

**ВОПРОСЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЕГО ГОВОРОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1975

ВОПРОСЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЕГО ГОВОРОВ

Выпуск 3

В сборник включены работы, посвященные исследованию различных уровней системы сибирских говоров в целом и отдельных локально ограниченных областей Сибири: вопросы словообразования, изучающиеся Е. М. Пантелеевой; актуальные проблемы лексикологии — О. И. Блиновой, Г. А. Раковым, В. А. Сенкевичем, В. В. Палагиной, А. А. Пыхтеевой, проблемы стилистики — Г. И. Климовской, Г. Ф. Митрофановым и Ю. А. Кузьминой.

Статья Г. Ф. Митрофанова посвящена одному из неразработанных вопросов практической стилистики современного русского языка — вопросу о языке печатной продукции и публичных выступлений. Стилистические возможности категории времени в языке писателя изучает Ю. А. Кузьмина, атрибутивные категории в текстах научного стиля рассматривает Г. И. Климовская.

Освоение русским языком старославянизмов исследуется С. И. Ольгович.

Сборник рассчитан на научных работников, студентов-филологов, учителей средних школ, интересующихся вопросами сибирской диалектологии, русского языка и стилистики:

Редактор — О. Н. Киселева

Уд

Г. Ф. МИТРОФАНОВ

В. И. ЛЕНИН О ЯЗЫКЕ ПЕЧАТИ И ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В философских и исторических работах В. И. Ленина, в его письмах, отдельных высказываниях и замечаниях наряду с гениальной разработкой марксистской философии содержится немало суждений по различным вопросам теоретического и прикладного языкознания. В частности, значительное место в лингвистическом наследии В. И. Ленина занимают многочисленные замечания о культуре устной и письменной речи и прежде всего о языке печати и публичных выступлений.

Считая большевистское слово могучим средством воздействия на массы, оружием политического воспитания трудящихся и повышения их коммунистической сознательности, В. И. Ленин неустанно боролся за высокую культуру речи, за ясность, простоту, общедоступность и убедительность языка печати и публичных выступлений.

Особенно настойчиво В. И. Ленин и коммунистическая партия добивались предельной четкости, простоты и популярности от языка газет, который в то время нередко был бесцветным, сухим и малопонятным массовому читателю. Уже в 1919 году в резолюции VIII съезда партии отмечалось, что «печатаются длинные, малоинтересные статьи, вместо того, чтобы откликаться короткими, простым языком написанными статьями на важнейшие вопросы общей и местной жизни»¹⁾. В резолюции «О печати», принятой на XIII съезде партии (1924 г.), указывалось, что «необходима дальнейшая работа над языком газет и умелое сочетание максимума популярности и яркости изложения с серьезностью и обстоятельностью содержания»²⁾. «Необходимо язык газеты сделать вполне доступным массовому читателю, всячески избегая неточных и отвлеченных оборотов»³⁾, — говорилось в постановлении оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 года.

Борясь за действенность большевистской пропаганды, В. И. Ленин крайне непримиримо относился к пустому фразерству и всякого рода «размазыванию цветов красноречия». «Поменьше политической трескотни, поменьше общих рассуждений и абстрактных лозунгов» (т. 42, стр. 330)⁴⁾, — советовал Владимир Ильич неопытным и не понявшим своих задач коммунистам, ибо «нет ничего более противного духу марксизма, как фраза» (т. 21, стр. 73).

¹⁾ «О партийной и советской печати». Сб. документов. Изд-во «Правда», М., 1954, стр. 211.

²⁾ Там же, стр. 305.

³⁾ «Решения партии о печати». Политиздат, 1941, стр. 79.

⁴⁾ Работы В. И. Ленина цитируются по 5-му изданию.

Непримиримый враг пустословия и фразерства, В. И. Ленин не раз высмеивал высокопарно-книжный язык, пустое бессодержательное красноречие либерально-буржуазной прессы. Так, полемизируя с ликвидаторским журналом «Наша заря» по вопросу оценки Льва Толстого, В. И. Ленин остро иронизировал над языком одного из его сотрудников — М. Неведомского. «Вобрав в себя,— пишет сей вития современной интеллигенции,— воплотив в законченном виде основные aspirations и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала совести». Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала празднословия» (т. 20, стр. 93—94), — резюмирует Владимир Ильич.

В меньшей мере В. И. Ленин осуждал банальную «красивость» и вычурность слога, декадентскую манеру письма некоторых публицистов. «Присматривайте-ка вы немножко, тов. Плеханов, за Мартыновым и Старовером, право присматривайте! — советовал Владимир Ильич. — Пишут они красиво, слов нет, совсем даже по-новому красиво, в декадентском стиле, но вот, что к чему, это у них не всегда выходит». (Ленинский сборник, V, стр. 76). Язык революционной партии, заявлял В. И. Ленин, должен быть прост, ясен, политически заострен и понятен широким массам.

Сам Владимир Ильич в своих выступлениях перед рабочими и крестьянами никогда не прибегал к отвлеченным, туманно-книжным выражениям, к внешней «красивости» и витиеватости стиля. «Ленин, — по свидетельству Е. М. Ярославского, — не любил вычурных, мудреных, красивых фраз. Он избегал их. Временами речь его, его слово поднимается до высших вершин красоты. Но это — красота какая-то особенно простая. Красота понятная, близкая, без фальши, без выкрутас, без непонятных рабочему и крестьянину украшений. Такой простоты не выдумаешь, искусственно не создашь, она из нутра, из глубины природы Ленина»⁵).

Наряду с резкой критикой пустословия и фразерства, риторичности и напыщенности стиля В. И. Ленин указывал также, что большим препятствием в деле политического воспитания масс, в пропаганде идей коммунистической партии является многословие. Излишние слова, ненужные повторения только загромождают речь, мешают точному выражению мысли, затрудняют общение. Поэтому необходимо, учил В. И. Ленин, очищать язык от всего лишнего, многословного, постоянно стремиться при выражении мысли «сжать десять слов в два» (т. 6, стр. 250). Характерны в этом отношении замечания Владимира Ильича на «Комиссионный проект программы» партии, составленный Мартовым в 1902 году. Многие места этого проекта сопровождаются такими комментариями В. И. Ленина «Слова «рассчитывая на их поддержку» следует выкинуть. Они излишни (если призывает, то значит рассчитывает)» (т. 6, стр. 249); «Эти слова, по-моему, следует вычеркнуть. Излишнее повторение» (т. 6, стр. 242); «Опять повторение!!» (т. 6, стр. 245); «Эти слова следовало бы выкинуть, как излишнее повторение мысли, высказанной уже в предыдущем положении».

⁵) Е. М. Ярославский. Жизнь и работа В. И. Ленина. Госиздат, М., 1920, стр. 253.

Вообще § 5 особенно рельефно показывает общий недостаток проекта: длинноты и нежелательную тягучесть изложения» (т. 6, стр. 244).

Не менее отрицательно относился В. И. Ленин к штампованному канцелярскому языку, к чиновничье-бюрократическому стилю речи, с его трафаретными, казенными словами и оборотами. Писать «не канцелярским, а революционным языком», писать ясно, просто, без ненужных ухищрений слога, призывал В. И. Ленин, и в своих правках чужих статей он неизменно следовал этому правилу. Например, в рукописи одного из переводов было сказано: «...итальянский социализм представляет из себя организм с чрезвычайно непропорциональным умственным развитием по отношению к развитию тела и членов». Исправляя эту формулировку, В. И. Ленин убрал из нее такие типичные канцелярские обороты, как «представляет из себя» и «по отношению к ...». В результате этих и других изменений вся фраза приобрела более простое словесное оформление и стала ярче выражать заложенную в ней мысль: «...итальянский социализм ... можно сравнить с организмом, в котором голова совершенно непропорционально развита по сравнению с корпусом и отдельными членами» (Ленинский сборник, XXV, стр. 288). В другом месте рукописи В. И. Ленин предложил заменить громоздкий канцелярский оборот «обеспечить вмешательство судебной власти со строго восстановительными по части правонарушений функциями» более четкой формулировкой: «...строгие наказания по суду за правонарушения» (Там же, стр. 282).

Забота В. И. Ленина о простоте, ясности и доступности языка печати и публичных выступлений проявилась и в его чрезвычайно строгом отношении к использованию терминологии. Владимир Ильич энергично протестовал против засорения устной и письменной речи заумными терминами, крикливыми модными словечками и всякими «измами». Резко осуждая лженаучный язык, «учено-философскую тарбарщину» буржуазных теоретиков, создавших бесконечное число разных «ноталов», «секуралов», «фиденциалов», «экзистенциалов» и т. п., В. И. Ленин настойчиво подчеркивал, что для широких народных масс надо писать без мудреных терминов, хитрых «измов» и словесных выкрутас.

Вместе с тем В. И. Ленин постоянно боролся с неточным употреблением, неправильным пониманием или намеренным искажением смыслового содержания терминов. Так, в работе «Памяти Герцена» В. И. Ленин разъяснял суть искажения контрреволюционными «рыцарями либерального российского языкоблудия» герценовского понимания содержания термина «скептицизм» (т. 21, стр. 257), в статье «От народничества к марксизму» он писал о неправильном употреблении народниками таких слов и словосочетаний общественно-политической лексики, как «трудящиеся», «эксплуатируемые», «рабочий класс», «трудовая масса», «класс эксплуатируемых» (т. 9, стр. 192), в работе «О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы» Владимир Ильич говорил об искажении «экономистами» понятия «классовая борьба» (т. 23, стр. 238—239) и т. д.

Читая чужие рукописи, В. И. Ленин всегда обращал внимание на использование слов и терминов общественно-политической лексики. При этом нередко случалось, когда на полях просматриваемых работ Владимир Ильич делал такого рода замечания: «Вопиюще неверный термин!», «Неточный термин», «Не те слова», «Неточно» (Ленинский сборник, XI, стр. 368—385).

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что неточно сформулированная мысль, неудачно употребленный термин могут привести к политическим ошибкам, и своими редакторскими правками учил авторов правильно оценивать явления и факты действительности и называть их настоящими именами. Показательным примером этого могут служить исправления, внесенные В. И. Лениным в подготовленную к печати статью В. В. Воровского «Еще страничка из истории». В рукописи этой статьи В. В. Воровский сообщал, что «некоторые революционеры отстраняют вопрос о подготовке восстания, сосредоточивая свои упования на Думе «соглашателей». Называя таких политических деятелей их настоящим именем, В. И. Ленин вместо слов «некоторые революционеры» написал: «Нашлись оппортунисты в социал-демократии, которые отстраняют вопрос о подготовке восстания...» (Ленинский сборник, XXVI, стр. 349).

В связи с этим исправлением В. И. Ленин изменил и само название статьи. Зачеркнув прежнее заглавие «Еще страничка из истории», Владимир Ильич назвал статью «Буржуазные соглашатели и пролетарские революционеры» (Там же).

Сам В. И. Ленин с большой осторожностью относился к использованию терминологии. В своих работах он не только с предельной точностью употреблял слова и термины общественно-политической лексики, но и всегда стремился довести их смысл до широких масс читателей. Если В. И. Ленин использовал по необходимости мало еще известные специальные слова и термины, то он обязательно пояснял их с помощью определений, уточняющих слов, синонимических замен и т. п. Например, Владимир Ильич писал в своих статьях: «Никто не может отрицать — и ликвидаторы в день собрания металлистов сами признали это — что металлисты — авангард (передовой отряд) всего пролетариата России» (т. 24, стр. 100—101), «...демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа)» (т. 39, стр. 74), «...сельскохозяйственных союзов (коопераций, как их называют в книжках)» (т. 7, стр. 159). Раскрывая содержание термина «антагонизм», В. И. Ленин часто заменяет его синонимическими выражениями: «враждебная противоположность интересов» (т. 6, стр. 17), «классовая борьба» (т. 6, стр. 30) и др.

Ведя борьбу за чистоту и общедоступность языка, В. И. Ленин непримиримо относился к различного рода словосокращениям, получившим широкое распространение в устной и письменной речи 20-х годов. В. Бонч-Бруевич вспоминает о глубоком возмущении, которое выражал В. И. Ленин при чтении одной газетной статьи с уродливыми сокращениями слов. «На каком языке это написано? Тарабарщина какая-то. Волапук, а не язык Толстого и Тургенева»⁶), — восклицал Владимир Ильич.

В своих выступлениях и беседах В. И. Ленин с крайним неодобрением отзывался о таких словосокращениях, как «южбум», «гостресты», «комчванство», «шкраб» и т. п., ведущих к бюрократизации языка, к засорению его словесным хламом. Так, например, в политическом отчете Центрального Комитета РКП(б) от 27 марта 1923 года В. И. Ленин с иронией говорил: «Я бы очень хотел взять пример нескольких гострестов (если выразаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев) и показать, как мы умеем хозяйничать» (т. 45, стр. 80).

Столь же решительно выступал В. И. Ленин против излишнего и порой неправильного употребления иностранных слов. В заметке

⁶ В. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич. «Читатель и писатель», 1928, № 2.

«Об очистке русского языка» Владимир Ильич писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно» (т. 40, стр. 49).

Отмечая, что наводнение языка газет иностранными словами затрудняет влияние партии на массы, В. И. Ленин горячо призывал литераторов, пропагандистов и работников прессы «объявить войну коверканью русского языка», «употреблению иностранных слов без надобности» (Там же).

Помнить об интересах массового читателя, избегать в общении с ним французско-нижегородского словоупотребления, советовал В. И. Ленин, и в своей редакторской практике он постоянно стремился к очищению рукописей от малопонятных и ненужных иноязычных элементов. Редактируя в январе 1905 года материалы для четвертого номера газеты «Вперед», В. И. Ленин заменяет все ненужные иностранные слова общеупотребительными русскими словами: «Энергично воздвигаются баррикады»,— писал один автор. В. И. Ленин вместо «энергично» поставил «быстро» (Ленинский сборник, XXVI, стр. 116). «Толпа сымпровизировала большое народное собрание»,— сообщал другой корреспондент. Владимир Ильич заменяет в этой фразе иностранное слово «сымпровизировала» русским выражением «составила без всякой подготовки» (Ленинский сборник, XXVI, стр. 127). Вместо встречающихся в рукописях авторов и переводчиков не для всех понятных слов «интрепель», «изолировать», «интернациональным», «конституирована», «секретных», «масштабе», «прессы» Владимир Ильич предлагал напечатать «нож, топор», «отрезать», «международным» «учреждена», «тайных», «размере», «газет».

Исключительно большое внимание В. И. Ленин уделял вопросам грамотного и стилистически правильного построения речи. Малейшие нарушения грамматических или стилистических норм выражения всегда вызывали негодование Владимира Ильича и были предметом его критических замечаний. Например, после прочтения статьи неизвестного теперь автора В. И. Ленин указывал: 1) «пара лет» не по-русски, 2) «клеят безумием» — не по-русски; 3) длинные фразы с повторением (чтобы сказать то-то, чтобы постоянно и непрерывно связывать, чтобы и т. д.) необходимо переделать в короткие; 4) слог весь, по-моему, надо переделать в более популярный — для сего переписать все заново» (Ленинский сборник, XXV, стр. 301).

В своих замечаниях по языку и стилю печати и публичных выступлений В. И. Ленин не оставлял без внимания и вопросы благозвучия речи. Он указывал, что стечение или близкое расположение одинаковых звуков лишает речь необходимой ритмичности и музыкальности, препятствует восприятию ее смысла. Так, в 13 параграфе «Комиссионного проекта программы» партии говорилось о том, что «В России рядом с капитализмом, быстро распространяющим область своего господства и становящимся все более и более преобладающим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, докапиталистического общественного порядка...». Осуждая подобную манеру изложения, В. И. Ленин написал рядом с этим параграфом: «Кланяюсь и благодарю за малюсенький шажок ко мне. Но «становящимися», преобладающим и ... щии... щии...фи-фи» (т. 6, стр. 250).

Основополагающие высказывания В. И. Ленина о языке печати и публичных выступлений, как и многочисленные его замечания о культуре устной и письменной речи в целом, учат нас чуткому и бережному отношению к слову, настойчиво призывают неустанно заботиться о красоте, выразительности, простоте и ясности нашего великого русского языка.

О. И. БЛИНОВА

ОБ ОТДЕЛЬНОСТИ СЛОВА В ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ

Постановка проблемы отдельности слова в отечественном языкознании, ее формулирование, определение ее рамок связано со многими именами: А. М. Пешковским, Р. О. Шор, Г. Даниловым, В. В. Виноградовым, А. И. Смирницким, О. С. Ахмановой, В. М. Жирмунским, М. В. Пановым и др.¹⁾

Содержание этой проблемы сводится к тому, «что такое одно отдельное слово в каждом данном случае его употребления в связной речи... Следовательно, ставя ... проблему, писал А. И. Смирницкий, мы имеем в виду отыскание и определение тех признаков, которыми слово характеризуется как таковое»²⁾.

В проблеме отдельности слова вычленяют два основных вопроса: «а) вопрос выделенности слова, представляющий собой вместе с тем вопрос о различии между словом и частью слова (основой, суффиксом и пр.); и б) вопрос цельности слова, являющийся вместе с тем вопросом о различии между словом и словосочетанием»³⁾.

Совокупность признаков, отличающих слово от других языковых единиц: от морфемы, с одной стороны, и от словосочетания, — с другой, детально рассмотрена в работах вышеназванных ученых и продолжает анализироваться в работах последнего времени (см., например, монографию К. А. Левковской «Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала», М., 1962).

Нас интересует другой аспект проблемы отдельности слова, который намечен А. И. Смирницким.

А. И. Смирницкий сопоставляет проблему отдельности слова с проблемой тождества слова, обращая внимание на то, что «слово ... характеризуется особыми, специфическими отношениями к разным языковым

¹⁾ А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова. Сборник статей, Л. — М., 1925; Шор Р. О. К вопросу о понятии отдельного слова. «Русский язык в школе», 1929, № 5; Г. Данилов. Понятие слова и предмет лексикологии. «Русский язык в советской школе», 1929, № 3; В. В. Виноградов. О формах слова. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. 3, вып. 1. 1944; Его же. Русский язык. М., 1947; А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина», М., 1952; О. С. Ахманова. Еще к вопросу о слове как основной единице языка. Вестник МГУ, 1955, № 1; В. М. Жирмунский. О границах слова. «Вопросы языкознания», 1961, № 3; М. В. Панов. О слове как единице языка. Ученые записки МГПИ, кафедра русского языка, т. IX, вып. 5, 1956.

²⁾ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»), стр. 184.

³⁾ Там же, стр. 187.

образованиям, так или иначе совместно выступающими в связной речи: в частности, особыми являются **отношения между единицами — предстателями слов в связной речи.. Выяснение отношений, характеризующих слово в этой плоскости, и составляет проблему отдельности слова** (подчеркнуто мной. — О. Б.)»⁴).

Это высказывание А. И. Смирницкого недвусмысленно свидетельствует о том, что отношения между словами, иначе — междусловные отношения, органически входят в проблему отдельности слова, точно так же, как внутрисловные отношения — отношения вариантности — составляют проблему тождества слова.

Отталкиваясь от определения того, что есть **одно и то же слово** как единица лексической системы языка⁵), можно дать следующее рабочее определение отдельным, разным, словам.

Разными, «отдельными», словами являются или **разнокорневые** образования (гlossы), независимо от их лексических значений, которые могут быть тождественными (*языкознание — лингвистика*), близкими (*говорить — рассказывать*), различными (*стол — сани*), или **однокорневые**, образования, различающиеся семантикой и аффиксами одновременно (*припудрить — напудрить*).

В отличие от внутрисловных отношений, которые составляют, например, отношения варьирования, междусловные отношения реализуют отношения синонимии, омонимии, антонимии, паронимии, отношения дублетности и некоторые другие.

Содержание проблемы тождества слова применительно к диалектному языку характеризуется спецификой⁶). Определенным своеобразием применительно к диалектному материалу характеризуется и проблема отдельности слова в названном аспекте (аспекте соотношения этой проблемы с проблемой тождества слова). Дело в том, что на междусловные отношения в говоре свой отпечаток накладывает сфера диалектного языка. Имеются различия в характере междусловных отношений в системе одного диалекта (микросистемы) и в диалектном языке (макросистеме, системе систем).

Междусловные отношения в диалекте имеют много общего с литературным языком. Диалекту, как и литературному языку, свойственно, например, богатство синонимических средств выражения и незначительное, по сравнению с синонимами, количество омонимических образований.

Синонимы в диалекте составляют группы, ряды слов, имеющих отличия в оттенках значения или в стилистической окраске. Один из характерных примеров — синонимические глаголы «говорения» в одном из томских говоров (говор сел Новый Каргасок и Старый Каргасок Каргасокского района): *говорить, толковать, балакать, сказывать, лепетать, калякать*. — «Я старинный человек, всё по-старому *говорю*. Новые слова не знаем, а по-своему *лепечем*». «Да, долго племянник мой гостил там. Золото копал он. *Толкуют* дома, что не живой уж он». «Ну,

⁴) Там же, стр. 186.

⁵) См.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»), Труды Института языкознания АН СССР, 1954, т. 4, стр. 24: «... Для того, чтобы данные glossы представляли собой варианты одного и того же слова, необходимо: 1) чтобы, различаясь, они имели общую корневую часть, а следовательно, материально в их звуковой оболочке выраженную лексико-семантическую общность; 2) чтобы, вместе с тем, не было соответствия между материальными звуковыми различиями и различиями лексико-семантическими, т. е. чтобы первые не выражали последних».

⁶) См. подробнее в статье автора «О тождестве слова в диалектном языке» в сб.: «Вопросы русского языка и его говоров». Томск, 1968, стр. 117—126.

че еще балакать будем? Старик у меня был мастер сказки *сказывать*». «Бабка-удмуртка тут живет. Смешно *калякает*»⁷⁾.

Вместе с тем междусловные отношения в диалекте характеризуются рядом особенностей, так как своеобразна, специфична сфера диалекта. В связи с тем, что «диалект нормируется только внутренними законами своего развития, ... не ограничен внешними нормами в такой степени, как литературный язык, ... он обладает ... большой свободой выбора фonomорфологических средств для передачи того или иного значения, диапазон этих средств шире, чем в литературном языке»⁸⁾.

Поэтому нередки случаи, когда в речи одного и того же носителя диалекта звучит несколько названий одного и того же предмета. Один из примеров: «Волосец, или волос (название паразитического водяного червя волосатика.— О. Б.) — такая насекомая пãкось, такой, как конский волос, только живой. Как в руку попадет, так очень плохо. Еще зовут змеёвйк или прòволочник» (Мохово Верхнекетского района)⁹⁾.

Междусловные отношения в системе говора обнаруживают обусловленность возрастной дифференциацией носителей диалекта. Отсюда различие в составе синонимических, антонимических и других рядов в речи представителей разных социальных групп говора. Например, изучение слов-антонимов в воронежских говорах позволило выделить в их составе две группы:

а) антонимичные пары, известные всем носителям говора (*вèдроненасте*) и б) антонимичные пары, присущие говору в целом, но не каждому из его носителей (*гладкий «полный» — звонкий «тонкий»*)¹⁰⁾.

В междусловных отношениях диалекта в большей мере, чем в литературном языке, находит «нормативно»-стилистическая дифференциация лексики, связанная с осознанием носителями говора слов своих и «чужих», пришедших из литературного языка или других источников, с осознанием степени употребительности слов и под. Проиллюстрируем это на примере дублетных отношений: «Деревьã пятиметровые когда-то звали сутýном, а теперь балãном». «Старик Петра пришел по лагун, по бочонок, говорю, пришел»¹¹⁾. «Как бойкий растет, так фулюган зовут теперь, по-культурному, а раньше — грез: грезит сильно».

Спецификой в системе диалекта обладают и отдельные виды междусловных отношений. Если обратиться к диалектной синонимии, которая изучена лучше других видов междусловных отношений, то можно обнаружить ее специфику, по сравнению с синонимией литературного языка, в нескольких аспектах. Специфичными, например, являются: а) **состав синонимов диалекта** (в говоре отмечены синонимические ряды с разными компонентами с точки зрения их системной принадлежности — с компонентами общенародными, диалектно-просторечными, диалектными: *горе — беда — бедствие — притча — безименье — несчастье — неприятность* с общим значением крайнее неблагоприятие, стечение тяжелых обстоятельств¹²⁾; б) **соотношение видов синонимов говора**

⁷⁾ Материалы диалектологических экспедиций Томского университета, хранящиеся в кабинете русского языка.

⁸⁾ И. А. Оссовецкий. Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., 1964, стр. 180.

⁹⁾ Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Под ред. В. В. Палагиной, Томск, 1964—1967, т. 1, стр. 77.

¹⁰⁾ Р. В. Херольянц. Слова-антонимы в народном говоре. «Вопросы грамматики, стилистики и диалектологии русского языка», 1968, стр. 103.

¹¹⁾ Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 2, стр. 122; т. 3, стр. 175.

¹²⁾ В. В. Маланьин. Синонимы-существительные в русском народном говоре Дуванского района Башкирской АССР. Филологический сборник, вып. VI, VII, Алма-Ата, 1967, стр. 416—417.

(в диалектах в большем количестве представлены абсолютные синонимы, чем в литературном языке); в) **цели использования синонимов** (синонимы в говоре употребляются не только в целях коммуникативной целесообразности, не только как средство экспрессии, но и в целях языкового перевода в особой речевой ситуации) и т. п.

Таким образом, изучение проблемы отдельности слова в системе одного диалекта требует учета тех специфических условий, в которых функционирует диалектное слово и в которых реализуются междусловные отношения.

Решение проблемы отдельности слова применительно к диалектному языку как целому наталкивается на разногласия по поводу квалификации характера междусловных отношений лексем, бытующих в разных русских говорах. Иначе говоря, эти разногласия связаны с ответом на вопрос, приложимо ли учение о различных лексических явлениях (синонимии, омонимии и т. п.) к лексике диалектного языка как целого.

Еще в конце 50-х годов нашего столетия по этому поводу высказывались сомнения: «...Можно ли считать... синонимами (конечно, разнодиалектными), — писал Р. И. Аванесов, — такие пары слов, как *петух* и *кочет*, *белка* и *векша*, *волк* и *бирюк*? Можно ли считать слова *пахать* (обрабатывать землю) и *пахать* (мести пол) разнодиалектными омонимами?»¹³.

На этот вопрос одни ученые (Ф. П. Филин, И. А. Оссовецкий) дают отрицательный ответ, другие (Р. И. Аванесов) — положительный.

Отрицательный ответ мотивируется тем, что лексика диалектного языка как целого не образует системы и, следовательно, соотносимые слова разных говоров не актуализируются. «Тульское *скородить* (боронить — О. Б.) и владимирское *волочить* не синонимы, так как не взаимосвязаны в реальной языковой действительности, не употребляются в речи одного и того же коллектива»¹⁴. Еще одно высказывание: «Синонимические средства, которые хорошо раскрываются в пределах лексики одного говора, в пределах лексики разных говоров должны быть квалифицированы уже не как синонимические средства, поскольку они не сталкиваются друг с другом и не противостоят друг другу в реальной языковой действительности»¹⁵.

Региональной лексикологии известно множество фактов, когда соотносимые слова, бытующие в разных говорах, т. е., будучи разнодиалектными, одновременно (имеется в виду один и тот же временной срез) встречаются, сталкиваются в системе одного говора, являясь однодиалектными. Это наблюдается прежде всего в говорах, находящихся в регионе пересечения ареалов соответственных слов. Например, в среднеобских говорах глаголы с тождественным значением *заиневеться* и *закържаветь*, *заморочить* и *захмурить* являются одновременно и разными однодиалектными словами. Ниже приводятся (в сокращении) соответствующие словарные статьи из Томского словаря с подчеркиванием региона столкновения слов в одной и той же диалектной микросистеме.

Заиневеться. Покрыться инеем.

— Иня, холод зимный, осенный. Нет — нет, да и заиневется земля (Крив. Ег).

Том. (Крив.).

¹³ Р. И. Аванесов. Об очередных задачах диалектологического изучения языков. «Славянское языкознание», V Международный съезд славистов. М., 1963.

¹⁴ Ф. П. Филин. О составлении диалектологических словарей славянских языков. «Славянское языкознание», V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 330.

¹⁵ И. А. Оссовецкий. О составлении региональных словарей. «Вопросы языкознания», 1961, № 4, стр. 76.

Закуржаветь. То же, что заиневеться — Закуржавела лошадь (Крив. Ишт.). Че-нибудь закуржавет, потолок займется снегом (Мол. В. Сор). Куржа упадет на лес, и все закуржавет ... (Крив. Рыб.). Сегодня и лес закуржавел (Кем. Мар. Колеул).

Том. (Крив. Мол.) Кем. (Мар. Яшк.). Даль: сиб. Опыт: Сибир. Анучин. Богораз. Маак.

Заморочать. Покрыться туманом, тучами. — Как только ехать, заморочало (В.-Кет. Кет.). Заморочат, целый день сыпет, сыпет (Том. Верш.). ...Дък это всю небу заморочало (Колп. Волк.).

Том. (В.-Кет. Колп. Кож. Том.) Кем. (Яшк.).

Захмурить, То же, что заморочать.

— Че-то захмурило, дождь ли че ли хочет (Пар. Паш.). Том. (Колп. Пар.)¹⁶).

В языковом сознании носителей диалекта содержится большое количество лексических единиц из других диалектных систем. Вот некоторые свидетельства.

«Сетник плетет сети. Есть которы мизгирь зовут, но это не у нас. Везде по-разному: у нас так, в другім месте иначе» (Омская обл., Тарский район, д. Заливина, 1952 г.). «Раньше руками молотили, молотилы назывались. Цепами росейски называли (Омская обл., Тарский р-он, д. Чекрушево, 1952 г.). «Поговорка-то разна, разговор разны. В той деревне так «лонись» говорили, прошедши год, видно» (Там же).

Подобных свидетельств в диалектологической литературе немало¹⁷). Эти свидетельства и другие факты говорят о том, что диалекты в их современном состоянии не представляют собою какие-то дистиллированные, лишенные каких-либо внешнеязыковых наслоений микросистемы. Постоянная миграция населения, непрекращающееся интенсивное воздействие на говор всех разновидностей национального языка, воздействие других говоров и языков приводит к тому, что в условиях литературно-диалектного двуязычия микросистемы диалектов содержат в себе элементы других систем, которые в зависимости от разных причин и факторов характеризуются разной степенью активности. Три иллюстрации из говора д. Шиняево Зырянского района Томской области: «У всех разны названья. Вот хохлы: у нас лук, а у их бульба». «У нас мешок, а у белорусских — торба. У нас вот квашонка, а у их — дежка». «У меня муж первый хохол был. Я выйду, овечек кричу: «Мася, мася!» Они меня не понимают. А свекровка выдет и кричит: «Выча — выча!» Они все к ей».

Те слова, которые хранит память носителей диалекта, со временем, как показывают наблюдения, из потенциальных слов становятся реальными словами диалекта.

В связи с вышесказанным нет оснований соотносить лексические единицы разных говоров, принадлежащие одной и той же разновидности национального языка, характеризующейся историческим и генетическим тождеством, структурным единством, не квалифицировать в качестве синонимов, омонимов, паронимов и т. д., строго разграничивая разнодиалектные и однодиалектные синонимы, омонимы и т. п. В противном случае нужно будет признать десятки тысяч слов, таких как *вода, лес, небо, нос, ходить, белый, пять, мы, такой* и др., употребляющихся в разных говорах русского языка (например, северное *нос* и сибирское *нос*, курское *белый* и архангельское *белый*) разными, не

¹⁶) Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 2.

¹⁷) См., например, интересную работу Е. В. Ухмылиной «О языковой сознательности носителей говора (на материале их высказываний о языке)» в Ученых записках Горьковского университета, вып. 76, серия лингвистическая, 1967.

одними и теми же словами, поскольку они не встречаются в речевой практике одного коллектива.

Строго говоря, лексико-семантическая система одного диалекта — это ведь тоже своеобразная система, которая включает в себя, объединяет разнообразные единицы и категории системности (синонимические ряды, лексико-семантические группы слов и т. д.). Микросистема говора — это на одном полюсе система систем социально-речевых типов говора, система систем функциональных стилей диалекта, на другом — система идиолектов.

В 1962 году вышел коллективный труд «Вопросы теории лингвистической географии» под ред. Р. И. Аванесова (изд. АН СССР, М.), в котором на поставленный вопрос (см. настоящую статью) был дан положительный ответ. В своем решении авторы книги основывались на том, что «отдельные диалекты русского языка не образуют замкнутых в себе систем, а входят в состав более общей и сложной системы частных систем, в состав целого, которое включает в себя как черты, общие для всего русского языка, так и соотносительные черты различий, специфические для отдельных диалектов»¹⁸⁾. Поэтому учение о различных лексических явлениях, «которое принимается для отдельной частной системы на основе изучения внутрисистемных отношений, ... может быть перенесено и на межсистемные отношения и принято для языка в его диалектах как целого»¹⁹⁾.

Изучение междусловных отношений в рамках диалектного языка как целого преследует иные задачи, нежели те, которые возникают на материале одного диалекта. Выявление разнодиалектных омонимов, синонимов и т. п. служит: выявлению общности и различия словарного состава русских диалектов; выявлению типов лексических диалектных различий, а также причин и источников их возникновения; изучению такого явления, как энантиосемия²⁰⁾, не известного литературному языку, и другим целям.

Несомненно одно: содержание проблемы отдельности диалектного слова охватывает дополнительные вопросы, связанные с функционированием слов в особой языковой сфере — диалекте и диалектном языке.

¹⁸⁾ Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова., М., 1962, стр. 150.

¹⁹⁾ Там же, стр. 150—151.

²⁰⁾ См.: В. Н. Прохорова. О словах с противоположными значениями в русских говорах. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1961, № 1.

Е. М. ПАНТЕЛЕЕВА

**ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА (по материалам говоров
Кемеровской и Томской областей)**

Образование личных имен существительных при помощи суффиксов -щик, -льщик, -ик, -ник, -щиц(а), -иц(а) и -ниц(а) было рассмотрено в одной из наших работ¹⁾. Эти словообразовательные элементы являются наиболее регулярными и продуктивными.

Однако большая группа слов в наших говорах образована по таким моделям, которые не являются активными, но полученные по ним слова особенно четко показывают специфику диалектного словообразования, нехарактерные для литературного языка закономерности.

Выявление их и является целью данной работы.

Имена существительные со значением лица образуются при помощи суффикса -тель. Он присоединяется к производным и непроизводным основам. Напр.: запеватель, зачинатель, защититель, рассказатель, скрывать. Все слова называют лиц по выполняемой работе, привычным действиям или яркой особенности характера.

Ударение сохраняется на том же слоге, что и в производящей основе.

В системе литературного языка, особенно в его книжных стилях, образования с суффиксом -тель являются особенно продуктивными и «почти исключительно производятся от глаголов переходных»²⁾. В наших говорах образования с ним есть и от глаголов переходных и непереходных³⁾. Напр.: издеватель, поручатель, поручитель (от глаголов поручаться — поручиться за кого-либо). Характерно также, что в говорах суффикс -тель находим в составе таких слов, которые в литературном языке являются безаффиксными, напр.: старожитель (старожил), провожатель (провожатый), или употребляются с другим аффиксом, напр.: запеватель (запевала), рассказатель (рассказчик), закупатель (закупщик), защититель (защитник), или суффикс -тель присоединяется к таким основам, которые в литературном языке вообще не участвуют в образовании слов по этой модели (напр.: вожатель, крапитель). Следовательно, в говорах в образовании новых слов по данной модели участвует более широкий круг основ, особенно основ переходных глаголов, чем в литературном языке. Это является признаком словообразовательной активности данной модели.

¹⁾ «Актуальные проблемы лексикологии», Томск, 1972.

²⁾ «Грамматика русского языка». М., т. I, 1960, стр. 220.

³⁾ В последних исследованиях по словообразованию отмечается тенденция к увеличению существительных с суффиксом-тель личного и предметного значения от возвратных глаголов. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, стр. 175.

Характерно также, что суффикс -тель присоединяется к производящей основе, в состав которой входит глагольный суффикс -а, -и, отбрасывается только -ть.

Существительные ж. р. могут быть употреблены с соотносительным суффиксом -тельница(а), но в наших говорах отмечены лишь единичные образования: посказательница, разорительница, родительница, председательница.

Менее многочисленна в говорах группа имен м. р., образованных при помощи суффикса -ак:

а) от основ качественных прилагательных Напр.: большак, новяк, красняк, близняк, молодняк, колесняк (кто делает колеса);

б) от глагольных основ: лазак, лежак, хожак. В них суффикс присоединяется к производящей основе, равной только корню слова; суффиксы -ить, -ать при этом отбрасываются;

в) от существительных: чурак, шуряк (ср.: чурка, чурбак, чурбан; шурин, ширич, шурья).

Существительные называют лиц по какому-либо внешнему признаку, социальному положению, родственным отношениям или выполняемой работе.

Рассматриваемая группа имен интересна в словообразовательном отношении. В некоторых словах (большак, новяк) суффикс непосредственно присоединяется к производящей основе, равной корню, без каких-либо изменений ее; в других словах (красняк) он присоединяется к основе, в составе которой можно этимологически выделить суффикс -н. По аналогии с этим словом образуются другие (колесняк, близняк), в которых наличие «н» никаким другим образом объяснить нельзя. Однако эта аналогия не абсолютна, и поэтому в говорах отмечены словообразовательные варианты, в которых суффикс -як непосредственно присоединяется к корню (близя́к).

В отличие от литературного языка⁴⁾ в наших говорах не отмечено слов с суффиксом -ак (як), кроме литературного «тоболяк», образованных от имен-названий государства, местности, страны, народа.

В говорах в этом значении выступают другие словообразовательные элементы: -ан, -ин, -ач, -ец. Москвин, москач (москвич); мерикан, васюган (житель севера Томской области), эвенец. В двух последних словах наблюдаем аппликативное соединение морфем.

Существительные с суффиксом -ак(як) соотносятся с именами ж. р., в составе которых выступает производный суффикс -ачк(а). Напр.: кержак — кержачка, блатяк — блатячка, лежак — лежачка. Однако соотносительность этих суффиксов может нарушаться. Ср.: лешак — лешиха.

Большое число имен м. р. образовано при помощи суффикса -ец по следующим моделям: а) от глагольных основ: стрелец, хожец, ссылец, беженец (суффикс-енец).

Существительные называют лиц по выполняемой работе, привычным действиям, социальному положению.

Эта модель является регулярной и активной, о чем свидетельствует следующее:

а. Суффикс -ец выступает в составе даже таких слов, которые в литературном языке имеют другой аффикс (ворожец) или являются безаффиксными (партизанец, подхалимец, пешеходец), следовательно, в говорах наблюдается тенденция к иному, чем в литературном языке, словообразовательному оформлению имен со значением лица.

б. От основ отглагольных существительных на -ение образованы слова: выселенец, поселенец, рожденец. Видимо, в наших говорах, в от-

⁴⁾ «Грамматика русского языка» М., т. I, 1960, стр. 211.

личие от литературного языка⁵⁾, эта словообразовательная модель является непродуктивной в силу меньшей распространенности в них отвлеченных имен существительных на -ение.

в. Особо нужно выделить такие слова, как: домохозяец, детдомец, рестанец, англиец, партеец, в которых суффикс -ец присоединяется к именной основе. Словообразовательная структура их иная, чем в литературном языке. Ср.: домохозяин, детдомовец, арестант, англичанин.

г. От основ прилагательных образованы слова: нелюдимец, ретивец, называющие лиц по характерным качествам.

В наших говорах не отмечено слов с суффиксом -ец, в которых производящей была бы основа прилагательного с суффиксами -л, -ив, -лив, а также основа собственного существительного. Зато другие рассмотренные словообразовательные модели являются живыми и активными.

Существительные м. р. с суффиксом -ец соотносительны с именами ж. р., в составе которых выступает суффикс -иц(а). Напр.: рожденец — рожденица, молодец — молодлица, ссылец — ссылица, ретивец — ретивица. Ср. также отмеченные в наших говорах слова: богатырица, шоферица, докторица; при наличии в литературном языке только слов мужского рода: богатырь, доктор, шофер.

Очень многочисленна в говорах группа имен ж. р. с суффиксом -к(а) и его производными. В зависимости от производящей основы выделяем следующие модели:

а. От непродуцированных личных существительных мужского рода. Напр.: акробатка (искусница), лодырка, кумка, волховка, агрономка, кушерка, матроска, гречка (гречанка).

б. От производных личных существительных мужского рода. Напр.: лежачка (сущ. м. р. — лежак), мастачка, жителка, лекарка, недоумка, аккуратистка (сущ. м. р. — аккуратист), хожарка (м. р. — хожар) — ухаживающая за животными, почтальонка, ткачка, при образовании которых суффикс -к(а) непосредственно присоединяется к суффиксу м. рода. Однако такой путь образования слов ж. р. наблюдается не всегда. Ср.: разженка от существительного м. рода разжих, при этом суффикс -их отбрасывается. Можно предположить и независимое образование имен м. и ж. рода от глагольной основы «разжихнуться», в таком случае она по-разному представлена в производных словах.

Обе модели, как и в литературном языке⁶⁾, являются продуктивными. Для говоров как особенность можно отметить только то, что в них производящими берутся такие основы, которые в литературном языке не образуют производных по этим моделям. Ср., например: модичка, жителка, волшебка и др.

в. От глагольных основ неопределенной формы на -овать. Напр.: колдовка, хитровка, танцовка.

Эта словообразовательная модель малопродуктивна⁷⁾.

г. От глагольных основ: стряпка, ворожка, отгадка, в которых -к(а) присоединяется к производящей основе, равной корню; суффиксы -ить, -ать при этом отбрасываются; свáшка, спя́шка (суффикс непосредственно присоединяется к корню; -ать отбрасывается, при этом «т» чередуется с «ш»), второе слово «спяшка», видимо, образовано по аналогии с первым; жнейка, разлучейка, в которых -ей считаем интерфейсом.

д. От основ качественных прилагательных. Напр.: кудлатка, хорошка, летучка, молодка, ленивка, бросовка.

⁵⁾ «Грамматика русского языка» М., т. I, 1960, стр. 213.

⁶⁾ «Грамматика русского языка» М., т. I, 1960, стр. 231.

⁷⁾ Там же, стр. 232.

е. От глагольных основ с помощью суффиксов -лк(а), -алк(а). Напр.: читалка (читающая над покойником), ухажалка, хожалка. Образования с этим суффиксом в наших говорах немногочисленны⁸⁾.

От всех рассмотренных основ слова с суффиксом -к(а) образуются и в современном литературном языке. Но в говорах есть такие слова с суффиксом -к(а), которые получены от других основ, по иным моделям. Так, производящей основой выступает страдательное причастие (напр.: найденка, нелюбимка, брошенка, снаряженка); не личное существительное⁹⁾ (напр.: забавка, красotka, разговорка, казанка (жительница г. Казани), медведка (угрюмая, неразговорчивая женщина); личное имя общего рода (напр.: замазурка, грязнулька).

Таким образом, бóльшая часть слов женского рода со значением лица образована при помощи суффикса -к(а) и его производных. Он восполняет почти отсутствующие образования с суффиксами -ниц(а), -иц(а), -щиц(а), -тельниц(а). Суффикс -к(а) настолько активен, что даже появление омонимичных литературному языку слов не ограничивает его участия в словопроизводстве. Ср. такие слова: овчарка (женщина, ухаживающая за овцами), читалка, гречка, матроска, мойка, летучка, жнейка, дойка, жатка, корейка, китайка. Такая активность суффикса -к(а) объясняется тем, что практически он может соединяться со всеми основами, а если учесть, что в говорах производящая основа может выступать в ином, чем в литературном языке, фонетическом оформлении и что говорам известно гораздо большее число разнообразных интерфиксов, то станут очевидными почти безграничные возможности этого суффикса.

Намного малочисленнее в говорах группа имен существительных мужского рода, образованных с помощью ударного суффикса -ун: а) от глагольных основ: хохотун, свистун, кашлюн, спорун, форсун, хватун, лазун; б) от основ имен существительных: дракун, килун (производящие основы: драка, кила).

Существительные называют лиц по характерным свойствам и признакам. Они соотносятся с именами ж. р., в составе которых выступает сложный суффикс -унья. Напр.: свистунья, драчунья, кашлюнья, чепурунья, сватунья. Однако соотносительность данных суффиксов часто нарушается (Ср.: форсун — форсиха, чистун — чистотка, чистотуля), когда в составе имен ж. р. выступают различные суффиксы. Примечательно, что некоторые существительные ж. р. образуются не от соответствующих слов м. р., а от совсем иной производящей основы: Ср.: сватун — сватунья, но чистун — чистотка, чистотуля, в двух последних словах производящей является основа отвлеченного имени существительного «чистота», т. е. можно говорить о том, что иногда в словообразовательном отношении имя существительное ж. р. не зависит от имени мужского рода и не является вторичным образованием.

Следовательно, слова, выступающие в литературном языке производящими основами, в говоре могут не участвовать в дальнейшем словообразовании.

Часть имен существительных ж. р. образована при помощи ударного суффикса -уха(а), -юх(а):

⁸⁾ И. С. Торопцев. Суффиксальное словопроизводство имен категории общего рода в говоре села Коршева Бобровского района Воронежской области. Ученые записки Орловского пединститута, т. 13, вып. 5, 1958, стр. 63.

⁹⁾ См. об этом также: Л. В. Сахарный. Словообразование личных имен существительных в русских говорах Среднего Урала. Вопросы истории и диалектологии русского языка, 1963.

5442611-1

а. От глагольных основ: говоруха, копуха, сердуха, жнюха (жать, жну), попеуха, певуха. При их образовании наблюдаем соединение морфем по способу наложения. Эта словообразовательная модель, как и в литературном языке, является малопродуктивной¹⁰).

б. От основ качественных прилагательных: коренуха (коренная жительница), большуха, молодуха, хитруха.

в. От основ личных существительных ж. рода: сеструха, вдовуха, девуха.

Во всех рассмотренных словах, кроме основного лексического значения, явно выступает значение оценочное.

Многочисленны в наших говорах образования с ударным суффиксом -ач: трубач (кто курит трубку), торгач, курач. Эта группа слов примечательна в словообразовательном отношении. Существительное «торгач» образовано или от слова «торг» или от глагола «торговать», в последнем случае надо говорить о том, что производящая основа равна глагольному корню (ср.: торгов-ать-торговец; торг-ов-ать — торгач, торгаш, суффикс вносит в значение слова отрицательную оценку).

Слово «курач» образовано от глагольной основы на -и, сам суффикс -и в производящую основу не входит; в литературном языке имена с суффиксом -ач образуются только от основ на -а¹¹).

Небольшая группа слов ж. р. образована при помощи ударного суффикса -их(а): родиха (от основы глагола); секлетариха, пекариха, пекарниха (пекарня), пастушиха, разжениха (от основы существительного). Последнее слово образовано от соотносительного имени м. р. — разжених, в котором тот же суффикс, т. е. можно говорить о том, что соотносительные существительные м. и ж. родов, имея в своем составе один и тот же суффикс, различаются только окончаниями (ср.: подхалима — ж. р., подхалим — м. р.).

Слова «пекариха» и «пекарниха», образованные от разных производящих основ, являются словообразовательными вариантами. Следовательно, варианты возможны не только тогда, когда разные суффиксы присоединяются к одной производящей основе, но и тогда, когда один и тот же суффикс объединяется с различными производящими основами.

В современном литературном языке суффикс -их(а) считается продуктивным. В говоре слов с ним отмечено немного, но среди них есть сравнительно новые по значению (секлетариха), что свидетельствует о живом характере этого словообразовательного элемента.

Суффикс -их(а) вносит в значение слов оттенок фамильярного отношения к называемому лицу.

Ряд имен существительных м. р. образован при помощи суффикса -арь: пахарь (от глагольной основы); плугарь, головарь, золотарь, шишкарь, чеботарь, трубарь, свинарь (от основ существительных). Отметим, что в словах, полученных от именных основ, суффикс является ударным.

Эта словообразовательная модель является продуктивной (плугарь).

Недавно появившиеся слова «свинарь», «дойар» представляют собой обратные образования от соотносительных имен ж. р. свинарка, доярка, по аналогии со словами типа: плугарь, золотарь и др.

Кроме рассмотренных суффиксов, известных и литературному языку, в говорах действуют особые суффиксы: -ч(а) — родча, стряпча, растопча; -ль(я): прялья, вралья, ткалья; -льн(я): пряльня, ткальня.

¹⁰) «Грамматика русского языка». М., т. I, 1960, стр. 233.

¹¹) «Грамматика русского языка». М., т. I, 1960, стр. 210.

Большая группа существительных со значением лица образована при помощи словосложения. В зависимости от характера основ и соотношений между ними выделяем следующие модели:

а. Сложение основы имени существительного с безаффиксной основой глагола. Напр.: дровосек, звеновод, письмонос, копновод, сеновод, стогомет, чаерез, пимокат, пчеловод, людоед, бедокур, счетовод, водомер, древокол, дроворуб, дроворез.

Во всех приведенных словах ударение падает на вторую основу, она является односложной и представляет собой корневую морфему соответствующих глаголов (водить, носить, возить и т. д.). Характерно, что при образовании сложного слова корневая морфема может изменяться: наблюдаем чередование согласных, отвердение согласного, перенос ударения с глагольного суффикса на корень (стогомет — метать, что приводит к появлению другой фонемы).

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что в существительных такого типа вторая основа в значительной мере потеряла свое лексическое значение и напоминает суффикс¹²⁾.

В одной из работ Н. М. Шанского по словообразованию эта часть сложного слова называется аффиксоидом и высказывается мысль о том, что в некоторой мере «у аффиксоида всегда чувствуются в семантике и чисто лексические обертоны»¹³⁾.

Однако значение действующего лица настолько стерлось, что появляется необходимость подкрепить его суффиксом лица, придать слову более четкую словообразовательную структуру.

Именно этим можно объяснить наличие параллельных рассмотренным существительным аффиксальных образований: письменосец, стогометчик, борновольщик, дроворезчик.

Эта тенденция проявляется и в других самых различных по структуре сложных словах: первоселенец (ср. литературное новосел), пешеходец (пешеход), самолюбишка (лит. самолюб), старожитель (лит. старожил), фотографист (лит. фотограф).

Рассмотренные сущ. м. р. соотносятся с именами ж. р., в составе которых выступает суффикс -к(а): звеновод — звеноводка, письмонос — письмоноска, гужеед — гужеедка, пчеловод — пчеловодка, счетовод — счетоводка.

Однако соотносительность имен м. и ж. родов не стабильна и не регулярна (ср.: людоед — людоедица; сеновод — тот, кто возит сено; сеновозка — телега; кашевар, кашеварка — жердь, на которую вешают котел).

В данном случае можно говорить об омонимичности суффикса -к(а) и о том, что на диалектном материале подтверждается наблюдение О. Г. Ревзиной о несамостоятельном характере суффиксов для образования имен со значением вещи¹⁴⁾.

б. Сложение основы имени существительного и глагола с одновременной нулевой суффиксацией. Напр.: зубомой, шишкойой, пустолай, кошкодуй.

¹²⁾ Н. М. Шанский. О соединительной гласной как словообразующей морфеме. «Русский язык в школе», 1958, № 5; В. П. Григорьев. К вопросу о грамматических отношениях между компонентами сложного существительного. «Русский язык в школе», 1958, № 5; К. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения, аспекты изучения лексикологического материала. М., 1962. И др.

¹³⁾ Н. М. Шанский. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка. Исследования по современному русскому языку. М., 1970, стр. 260.

¹⁴⁾ «Структура словообразовательных полей в славянских языках» М., 1969.

Несмотря на абстрагированный характер лексического значения второй части, не отмечено ни одного слова, в котором бы был дополнительно суффикс со значением лица. Это еще раз подтверждает мысль о том, что суффикс действующего лица прибавляется не столько потому, что лексическое значение последнего компонента расплывчато, сколько потому, что словообразовательная структура производного сложного потому воспринимается нечетко.

в. Сложение основ имен существительных и прилагательных. Напр.: пустосмех, хитроум, легкоум, полоум¹⁵).

Такие существительные соотносятся с именами ж. р., в составе которых выступает суффикс -к(а): пустосмешка, хитроумка¹⁶).

Заметим, что в составе соотносительных имен существительных ж. р. регулярно используется суффикс -к(а).

г. Сложением основ существительного и прилагательного с одновременной суффиксацией. Напр.: белобилетник, детдомец, единородец, разнофамилец, старожитель. Регулярно выступают суффиксы -ник, -ец, -тель.

д. Сложением основ местоимения и глагола с одновременной суффиксацией. Напр.: самолетчик, самолловщик.

1. Таким образом, в анализируемых говорах образование имен существительных со значением лица в основном осуществляется по тем же моделям, что и в литературном языке.

2. Однако говорам некоторые словообразовательные модели, действующие в литературном языке, не известны. Напр., не образуются слова с суффиксами -ак, як от названий государства, местности, страны, национальности; с суффиксом -ец — от основ прилагательных на -л, -ив, -чив.

3. В говорах по некоторым действующим словообразовательным моделям проводится более широкий круг слов. В литературном языке существительные с суффиксом -тель возможны только от переходных глаголов. В говорах — как от переходных, так и непереходных. Причем переходные глаголы даже в большем количестве участвуют в образовании слов по данной модели: Ср.: вожатель, крапитель, купатель.

4. Отмечены действующие в говорах модели, не известные литературному языку. Напр., слова с суффиксом -ун образуются не только от глагольных основ, но и от имен существительных (дракун), с суффиксом -ух(а) от личных имен (сеструха, вдовуха).

С суффиксом -к(а) в качестве производящей выступает основа страдательного причастия (разведенка), неличное существительное (разговорка), существительное общего рода (замазурка), местоимение (никтошка).

5. Говорам известны такие суффиксы, которые в литературном языке не функционируют (-ч(а): родча, стряпча; -ль(я): вралья; -льн(я): пряльня, ткальня).

6. Как в простых, так и сложных именах существительных довольно четко проводится тенденция к словообразовательному переоформлению существительных, по сравнению с литературным языком.

7. Как и в литературном языке, наблюдается соотносительность имен сущ. м. и ж. родов. Напр.: кержак — кержачка; болтун — болтунья, звеновод — звеноводка.

¹⁵) Ср.: полый — пустой. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. III, 1967, стр. 49; В. И. Даль. Толковый словарь: пологоловый — пустоголовый, М., т. III, 1955, стр. 267.

¹⁶) Ср. отмеченные в псковских говорах слова: грязноносок, грязнопятка. М. А. Тарасова. К вопросу об особенностях диалектной синонимии. Вопросы теории и истории языка. Л., 1969.

8. Однако она менее прочна и стабильна. Ср.: лешак — лешиха; форсун — форсиха; чистун — чистотка, чистуля, чистотуля. В живой речи соотносительность слов и словообразовательная зависимость суш. ж. рода от суш. м. рода ослабевает и это приводит к появлению новых пар соотносительных суффиксов (-ак — -ачк(а) и -ак — -их(а); -ун — -унь(я) и -ун — -их(а); -ун — -к(а), -ул(я) и большого количества словообразовательных вариантов именно среди существительных женского рода. Ср.: ткач — ткачка — ткаля — тканица; учитель — учительница — учителька — училка — учительша; пекарь — пекарка — пекариха — пекарниха.

9. Некоторые соотносительные пары существительных м. и ж. родов имеют в составе один и тот же суффикс, родовая принадлежность в них обозначена только окончанием (разжених — разжениха).

10. Сложные имена существительные ж. р., соотносительные с именами м. р., регулярно образуются при помощи суффикса -к(а).

11. В анализируемых говорах наиболее продуктивно образование сложных слов за счет сложения основ существительного и глагола без суффиксов или с одновременной суффиксацией.

12. Словообразовательных вариантов среди сложных имен со значением лица намного меньше, чем среди простых.

Г. А. РАКОВ

СИНОНИМИЯ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ В ЛЕКСИКЕ НАРОДНОГО ГОВОРА

Необходимость рассмотрения синонимических отношений слов с учетом их многозначности неоднократно отмечалась в работах, посвященных синонимам литературного языка. Это вполне естественно, так как большинство синонимизирующихся литературных слов неоднозначны, и синонимическое сближение происходит на основе общности отдельных элементов семантической структуры слов, а не слов в целом. Поэтому и синонимия должна быть представлена как синонимия лексико-семантических вариантов, реализующихся в адекватных контекстах. Именно по этому пути идет Ф. П. Краснов, исследуя, в какие синонимические ряды может входить слово «мягкий» в восьми лексико-семантических вариантах¹⁾.

Иначе смотрит на связь синонимии и многозначности С. Г. Бережан²⁾, предлагая исследовать синонимию слов как словарных единиц и выводя «коэффициент синонимичности», который исчисляется на основе учета совпавших лексико-семантических вариантов из числа всех «зафиксированных в наиболее полных словарях»³⁾. То есть С. Г. Бережан стремится в какой-то мере объективизировать изучение синонимической лексики, опираясь опять-таки на субъективные данные, потому что полисемия и оминимия — явления с чрезвычайно нечеткими границами, поэтому так по-разному регистрируются в разных словарях оминимы и лексико-семантические варианты.

Рекомендации к исследованию синонимических отношений слов с учетом их вариантивности (лексико-семантической) и элементы такого исследования содержатся и в других работах, посвященных синонимике литературного языка⁴⁾.

Иначе обстоит дело в области изучения лексики диалекта. Здесь проблема связи полисемии и синонимии только ставится⁵⁾. Это объяс-

¹⁾ Ф. П. Краснов. Об изучении лексико-фразеологической синонимии русского языка. Ученые записки филологического факультета Киргизского университета, вып. 13, Фрунзе, 1964, стр. 85—116.

²⁾ С. Г. Бережан. К семасиологической интерпретации явления синонимии. Сб. «Лексическая синонимия», М.—Л. «Наука», 1967, стр. 43—56.

³⁾ С. Г. Бережан. Указ. соч., стр. 47.

⁴⁾ Ю. Д. Апресян. Синонимия и синонимы. «Вопросы языкознания», М., 1969, № 4, стр. 75—91; В. М. Григорян. Материалы к словарю синонимов. Прилагательные по данным языка А. С. Пушкина. Ереван, 1957; А. А. Уфимцева. Некоторые вопросы синонимии. Сб. «Лексическая синонимия», М.—Л., «Наука», 1967, стр. 26—38.

⁵⁾ В. В. Палагина. Непредметная лексика говора западной части Томского района Томской области. Ученые записки ТГУ, Томск, 1959, № 39; В. Л. Козлова. К вопросу о связи многозначия и синонимии. Ученые записки Свердловского педагогического института, Тобольск, 1969, № 142.

няется несколькими причинами, и главная из них — отсутствие у исследователей единого мнения по поводу возможности и необходимости включения в синонимические ряды наряду с диалектными и общенародных слов, а ведь именно общенародные слова чаще всего оказываются многозначными в диалекте и вступают в разные синонимические ряды различными своими лексико-семантическими вариантами. Вторая причина, которая в какой-то мере снимала проблему связи синонимии с полисемией и омонимией в сфере лексики диалекта, — преимущественная однозначность диалектных компонентов синонимических рядов.

Но поскольку общенародные слова функционируют в системе того или иного диалекта и часто вступают отдельными своими значениями в синонимические отношения со словами диалектными, постольку необходимо изучение синонимии диалекта с учетом многозначности и диалектных, и общенародных компонентов синонимических рядов. Необходимо учитывать, по возможности, и омонимию слов в связи с синонимией, а также возможность появления у многозначного общенародного слова новых диалектных лексико-семантических вариантов, не известных литературному языку⁶⁾.

В лексике старожильского говора с. Нарым Парабельского района Томской области нам встретились случаи, когда в синонимических рядах имен прилагательных отмечались диалектные омонимы к словам общенародным, диалектные лексико-семантические варианты общенародных слов. Отмечено и явление многозначности собственно диалектных слов, вступающих в те или иные синонимические ряды.

Проанализируем несколько конкретных рядов.

1.1. БОГАТЫЙ¹, ЧЕРНОЗЕМНЫЙ, СИЛЬНЫЙ¹, УРОЖАЙЛИВЫЙ¹⁷⁾.

Данный синонимический ряд объединен общностью обозначаемого понятия и предмета: все компоненты ряда реализуют общее для них значение «плодородный» (с различными семантическими особенностями) в сочетании с существительным «земля»: «Черноземна земля, картошка плохая. Под картошку не пойдет, а что другое — хорошо родит. Это о черноземной говорят сильная земля. Назьму положить более, так и будет богатая земля, урожай уродится. Урожайлива земля, так на ней урожай хороший бывает».

Три компонента данного ряда другими своими лексико-семантическими вариантами вступают в новые синонимические группы.

1.2. БОГАТЫЙ² СИЛЬНЫЙ², КРЕПКИЙ (о хозяине, хозяйстве) с доминантным значением, выраженным общенародным компонентом данного ряда «богатый» — «обладающий богатством, состоятельный»: «Это о хорошем хозяине, о богатом, у которого и дом, и двор, и скотина, так и говорят «сильный» он, «крепкий», значит. Ну эта крепка семья была, работников держали».

1.3 СИЛЬНЫЙ³, МОГУТНЫЙ, СТАНОВИТЫЙ¹, ДЮЖОЙ (о человеке, животном, о машине).

Компоненты данного ряда имеют общее значение, выражаемое общенародным словом «сильный» при наличии в каждом из членов ряда семантических особенностей: «Сильный человек — силу большую

⁶⁾ Возможно и объединение понятий «омоним» и «лексико-семантический вариант» под общим термином «семантический диалектизм», как это сделала Л. И. Омельченко в статье «Синонимы — дублиеты и экспрессивно-эмоциональные синонимы в ангаро-ленских говорах». Сб. «Вопросы грамматики и стилистики русского языка», Иркутск, 1969, стр. 66.

⁷⁾ Цифры над словами обозначают порядковый номер лексико-семантического варианта того или иного слова, входящего в несколько синонимических рядов.

имеет, работать может. Я в молодости **могутным** парнем был, **становитным**, как толкнул его... **Дюжой** человек—работник хороший, выносливый он».

1.4. **РОДНЫЙ, СИЛЬНЫЙ⁴, УРОЖАЙЛИВЫЙ²** (с общим значением «высокоурожайный» — о различных растениях): «Берлинка, сказывают, **родная** картошка, клубень ровный, а мы че-то не садим давно. Прошлогод орех **сильный** был. Пшеница **урожайлива**, а на муку не мелем, посыпку только».

1.5. **СИЛЬНЫЙ⁵, РАСПРЕСТРАШНЫЙ** («большой» — о волне): «Как в Теть (Кеть) выедешь, там вал **сильный** идет, через нос иной раз хватает. Вал **расп्रेстрашный**, вымокли до нитки, руки окоченели — в воде грели».

1.6. **СТАНОВИТЫЙ², СТРОЙНЫЙ** (с хорошим телосложением — чаще о женщине): «Я в молодости **становитой** была, и потом работала много, не толщела. **Стройная** в девках была...»

Таким образом, анализ синонимических рядов показал, что одно и то же слово разными своими лексико-семантическими вариантами включается в разные синонимические ряды. При этом нас не интересует, какие из этих вариантов известны литературному языку, а какие неизвестны. Активно употребляясь в сфере диалекта, литературное слово становится общенародным, и мы можем говорить о многозначности общенародного слова в системе диалекта. Это может относиться к словам «сильный», «богатый», известным литературному языку и активно функционирующим в лексике диалекта.

В исследуемых синонимических рядах многозначные слова реализуют следующие свои значения:

Сильный: 1) плодородный (о земле); 2) богатый (о человеке, хозяйстве); 3) обладающий силой (о человеке, животном, о машине); 4) высокоурожайный, выросший в большом количестве (о различных растениях); 5) большой (по размеру — о волне на реке).

Богатый: 1) плодородный (о земле); 2) обладающий богатством, состоятельный (о человеке, хозяйстве).

Урожайливый: 1) плодородный (о земле); 2) высокоурожайный (о различных растениях).

Становитый: 1) обладающий физической силой (чаще о мужчине); 2) с хорошим телосложением (чаще о женщине).

Рассмотрим еще несколько рядов.

2.1. **ШАЛОПУТНЫЙ¹, ОЗОРНОЙ, ПРОКАЗЛИВЫЙ, ВОЛЬНЕНЬКИЙ, ВОРОВАТЫЙ¹** (балованный — о ребенке): «Вот **шалопутный** побежал. Эт-да така пословица. Ну, говорят, конечно, **озорной** мальчишка, **проказливый**, балованный назвать ли, раз он не слушается, дак... Еще в детстве Сергей был **вороватый** и смелый. Эт **вольненький**, **вороватый-то**».

2.2. **ШАЛОПУТНЫЙ², БЕСПУТНЫЙ, ЗАБУЛДЫЖНЫЙ** (непутевый, разгульный — о взрослом человеке): «**Шалопутный** — эт больше несамостоятельный, такой компанейский. Да в глаза-то так не говорят, все больше **беспутный**: «**Беспутный** ты, Петька». А **забулдыжный** — это уже промеж собой».

2.3. **ВОРОВАТЫЙ², ПАКОСТЛИВЫЙ, БЛУДНЫЙ** (о человеке, животном, способном напакостить, сделать гадость): «Коровы **блудные** бывают. Она забредет куда, сразу напакостит, **пакостница** это, **пакостлива** корова. **Вороватый** — это говорим о таком пакостливом. Все равно одно это, **вороватый** — обычно слово».

3.1. **НИЖНИЙ¹, ВЫСПОДНЫЙ** (расположенный внутри, под чем-либо): «**Нижны** юбки длинные носили. Так в **высподнем** белье и кинулся туда».

3.2. **НИЖНЫЙ², МЛАДШИЙ** (более молодой — о родственниках): «Не, я не самый **нижний** был, была еще сестра, на два года моложе. Она **нижняя**. Он у них самый **младший**. Балованный. Старшие все в городе, а этот школу не кончит».

Эти примеры тоже показывают, как собственно диалектное слово, входя в различные синонимические ряды, становится полисемантическим. Но синонимия в диалекте может быть связана не только с полисемией слов, а и с омонимией, как указывалось выше, и с антонимией.

Только с учетом всего многообразия связей слова в лексике можно говорить о лексической системе диалекта, где компоненты взаимосвязаны, и невозможно достаточно объективно и полно проанализировать один тип отношений (у нас — синонимии) без учета других (полисемии, омонимии, антонимии).

У общенародного слова «**веселый**» (со значением «такой, в поведении которого выражается беззаботно-радостное настроение, живость, бодрость») есть диалектный омоним «**веселый**» (со значением «привлекающий своими красками, красотой»). Оба слова составляют двучленные синонимические ряды, причем в один ряд с общенародным омонимом входит диалектный синоним к нему, а в ряд с диалектным омонимом включается общенародный синоним.

1. **ВЕСЕЛЫЙ, ЗУБОМЫВАТЫЙ**: «Они все такие **зубомыватые**. Где ни увидишь, все смеются, ниче им не делается. Так с **веселым** человеком оно легче, а то ты строгий, он тоже...»

2. **ВЕСЕЛЫЙ, КРАСИВЫЙ** (о местности): «Вот раньше деревня Черная стояла на бугре. Теперь нет ее. **Веселое МЕСТО БЫЛО** — речка, бор рядом. **Красивое МЕСТО**».

При анализе синонимических рядов в связи с явлением антонимии тоже необходимо учитывать, что многозначные слова антонимизируются не всем комплексом своих значений, а отдельными лексико-семантическими вариантами. Поэтому антонимия при изучении синонимии предстает как антонимия лексико-семантических вариантов, составляющих те или иные синонимические ряды, и как антонимия синонимических рядов в целом (в целях экономии места ряды даются без иллюстративного материала).

1. **ВЕЧНЫЙ, КОРЕНЕЛЫЙ, САМОЖИТЕЛЬНЫЙ, СКОНИВЕЧНЫЙ** (живущий очень давно — о коренном населении) — **НАБЕГНОЙ, НАКИДНОЙ, ПРИШЛЫЙ** (приезжий — о новоселах).

2. **ВОЛОВОЙ, НЕПОВОРОТЛИВЫЙ, ЛЕНОВАТЫЙ, КОПОТЛИВЫЙ**, (нерасторопный) — **НЕПРОМАШНЫЙ, ПРОБОЙНЫЙ, РАСТОРПНЫЙ** (быстрый, ловкий, одновременно умелый, сметливый).

Такие противопоставления синонимических рядов довольно регулярно представлены в исследуемом нами говоре. Причем характерно, что каждый из компонентов противопоставленных синонимических рядов антонимичен любому члену синонимического ряда с противоположным значением. Эта особенность может предохранять синонимические ряды от чрезмерного разрастания.

Проведенный анализ свидетельствует еще раз в пользу того, что изучение лексики народного говора должно проводиться системно. В этой связи несколько по-иному освещается вопрос о влиянии литературного языка на лексику говора. Неоднократно отмечалось в литературе по диалектной синонимике, что появление у диалектного слова общенародного дублета ведет к постепенному вытеснению диалектного

слова из активного употребления. На наш взгляд, учета одной дублетности здесь явно недостаточно, поскольку лексических дублетов, т. е. слов с абсолютно тождественным значением и употреблением, очень немного; основная же масса дублетов — дублеты семантические, имеющие расхождения в сочетаемостных возможностях при тождестве семантики. И эти семантические дублеты успешно конкурируют с общенародными и даже обладают преимущественностью употребления в определенной речевой ситуации. Иное дело, когда диалектный дублет к общенародному слову является одновременно и омонимом к другому слову общенародного лексического фонда, имеющемуся и активно употребляющемуся в системе диалекта. В этом случае диалектизм будет испытывать двойное влияние со стороны общенародных слов, и это скорее может повести к переходу диалектизма в пассивный словарный запас или резко ограничить сферу его употребления, чем обычное влияние общенародного дублета на диалектный.

В. А. СЕНКЕВИЧ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ РЫБНОЙ ЛОВЛИ И ОХОТЫ

Статья — небольшой фрагмент из работы о говоре старых заводских селений Южного Урала, в которой делается попытка охарактеризовать лексику русского населения верховий реки Белой.

Данный район интересен тем, что здесь в XVIII веке создаются металлургические заводы и складывается пролетариат Южного Урала, ставший основной социальной группой русского населения. Однако район имеет и специфику. Целая группа заводских поселений, сложившихся около металлургических заводов, не развилась в города, как это бывает обычно, а в связи с прекращением заводского производства на десяти заводах превратилась в уральские деревни.

Говор формировавшегося здесь пролетариата в свое время оказал влияние на диалектные особенности ряда русских поселений Южного Урала. Потомки первых заводских рабочих, безусловно, сохранили некоторые особенности языка и быта эпохи мануфактурного производства.

Представляя себе лексику диалекта как развивающуюся незамкнутую систему, постоянно контактирующую с другими лексическими системами, а именно с лексикой литературного языка, с лексикой производств и ремесел, с лексикой других говоров и языков, мы считаем, что в зависимости от того, какая сторона лексики диалекта исследуется, должна меняться и методика наблюдения и способы систематизации собранных материалов. Так, например, исследование семантических процессов должно идти иными методами и приемами, чем наблюдение и систематизация материалов о словообразовании диалекта.

Лексику диалекта мы характеризуем системой взаимосвязанных словарей, в которую входят: 1) региональный дифференциальный словарь; 2) частотный словарь словоформ диалекта; 3) инверсионный словарь слов диалекта. Помимо словарей, дается описание некоторых тематических групп лексики говора.

В своих суждениях о лексике рыбной ловли и охоты мы опираемся на собранные путем непосредственного наблюдения материалы как в верховьях р. Белой, так и в местах русского заселения междуречья Оби и Енисея.

Замечания о лексике рыбной ловли

Рыбная ловля и охота в экономике жителей призаводских поселений Южного Урала всегда были подсобными промыслами, которыми занималось ограниченное число лиц, страстных любителей и знатоков промысла. Хотя лексика и не является широко известной носителям

диалекта, она представляет интерес потому, что именно эти две тематические группы являются наиболее архаичными и могут дать материал для суждения о генетических связях исследуемого говора с другими.

По сравнению со способами рыбной ловли и орудиями, которые применяются на реках Сибири, в верховьях Белой и способы ловли, и рыболовные орудия малочисленны и бедны. Это обусловливается двумя причинами. Во-первых, небольшие мелководные притоки р. Белой Узян, Авзян, Инзер не имеют рыбопромыслового значения, да и на Белой, в ее верховьях, промысел рыбы не имел большого экономического потенциала; во-вторых, земля, леса, реки принадлежали башкирским общинам или князькам. За право ловить рыбу нужно было платить арендную плату — **кортом**. Неуплатившим кортом ловить рыбу приходилось украдкой, так, чтобы об этом не знали власти, видевшие в ловле рыбы без уплаты кортома преступление.

Возможно, что социально-оценочное обоснование имеет выражение понятия «рыболовецкая артель» термином **шайка** в речи знатока-рыбака Ф. И. Куропаткина.

А. Ф. Селиванова. Вот его приглашали, приходили вот. Вот приглашали рыбу ловить.

Ф. И. Куропаткин. Это в эту рыболовную шайку. (Магнитофонная запись).

Рассмотрим наиболее распространенные в прошлом и в наши дни орудия лова и их терминологию.

Морда. Это род верши, плетеной из прутьев. В отличие от Обь-Енисейского бассейна, где существует ряд типов морд в зависимости от того, на какую рыбу они предназначаются, и от типа устройства (налимья морда, налимья морда двуязыкая, морда с заманом, лукавка, муксунья морда, стерляжья морда), в исследуемом районе бытуют только две их разновидности: **одножерельная** и **двужерельная**.

В одножерельной морде в **бочку** (так называется сплетенный из прутьев корпус снаряда) вставляется одно **жерло**, в двужерельную — два.

Жерло — конусообразная, вставленная внутрь часть снаряда. Через небольшое отверстие, которым заканчивается конус жерла, рыба попадает в морду. Вынимают рыбу через **хвост морды**, завязанный пеньковым жгутом или лыком.

Сходным по устройству с мордой является **вятель** — род верши из рыболовной сети.

Вятель делается из рыболовной сети, которая натягивается на три деревянные обруча. Внутри вшивается воронкообразный рукав — **жерло**, тоже сшитое из сети. Чтобы направить в снаряд рыбу, к нему приделывается **открытка-крыло** из сети, натянутое на планки. Задняя часть снаряда называется **хвост вятеля**.

В Обском бассейне этот вид рыболовного снаряда называют **фтиль**. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в верховьях Белой детали этих рыболовных орудий почти не имеют наименований. Обозначен только весь снаряд и его крупные части. В однотипных орудиях лова на Оби ряд деталей терминован:

Переplet — место, где прутья, образующие цилиндрическую часть морды, сплетены с ее конусообразной внутренней частью. **Окошко** — отверстие, через которое вынимают рыбу из морды.

В верховьях Белой морды обычно делают без таких отверстий. Не имеют терминов на Белой и груз, опускающий морду в реку, и снаряд, которым ее достают. На Оби они терминованы: загружают морду в реку **якорем** или **кошкой**, а достают **плавушкой**.

По-видимому, вентерь, адаптировавшийся на Белой в **веятель** и на Оби в **фитиль**, — снаряд недавнего происхождения.

Эта же особенность — отсутствие терминов для ряда деталей — наблюдается и в названиях рыбацких сетей.

Самым распространенным видом сети является **невод**. Сопоставление названий его деталей на Белой с бытующим типом невода в Западной Сибири показывает, что этот рыболовный снаряд шире терминован в Сибири. На Белой не имеют названий **ухо** (Обский бассейн), **розуччинчи** (Енисейский бассейн) — концы верхней и нижней бечевы невода от полотна до соединения их воедино. Нет термина для поплавок, показывающего, где находится мотня невода. На Оби это **лодья** или **кораблик**. Нет на Белой и термина, обозначающего неводные грузила. На Оби их называют **кибасья**.

Общими терминами на Белой и в Обь-Енисейском бассейне в деталях невода являются: **тетива**-веревка, на которую натянута неводная сеть; **наплавь** — поплавок невода; **клячь** — толстая веревка, за которую тянут невод. Различают на Белой реке **бережную клячь**, которой тянут невод по берегу, и **заходную клячь**, которой невод завозят рекой.

В Западной Сибири **кляч** мужского рода. Различают **пятовый кляч**, которым невод тянут берегом, и **побежной**, которым тянут рекою.

Из разновидностей рыболовных сетей в верховьях Белой бытуют **недотка**, **наплавные сети**, **трехрядная сеть**.

Недотка — это самодельный рыболовный снаряд типа невода, реже бредень, сделанный из редко вытканного холста, дерюжины. Даль приводит слово без локальных помет, но в более широком значении: «Грубое рядно не-до-ткать. Бредень из этой ткани». В 17-томном словаре русского языка слово сопровождается пометкой спец.

Наплавные сети сходны с **плавежными** сетями на Оби. Ими вылавливают рыбу во время большой воды.

Трехрядная сеть соответствует **режовке** Обского бассейна. Она сшивается из трех сетевых полотнищ, два крайние — с более крупными ячейками. Это делается для того, чтобы течение при неравномерном давлении на нити сети выгнуло полотно в виде нескольких мешков, в которые запутывается рыба.

Как эталон величины ячей используется и на Белой, и в Обь-Енисейском бассейне толщина пальца, но термины формируются от разных корней, обозначающих реалию. На Белой бытуют **трехпалка**, **четырепалка**, в Западной Сибири: **трехпёрс(т)ка**, **четырепёрс(т)ка**, **пятипёрс(т)ка**.

Вспомогательным сооружением, увеличивающим улов рыбы, на Белой до недавнего времени был **заездок** — щитовая плотина, перегораживающая реку. Река перегораживалась не полностью. В заездке оставался садок, проход в плотине, в конце которого устанавливалась **морда**. Мы не отметили в верховьях Белой рыболовного орудия типа бредня, но наблюдали однокоренные с ним термины **бродить** и **забраживать**. **Бродить** — ловить рыбу недоткой, **забраживать** — заводить, направлять в неводные сети рыбу.

Сопоставление рыболовецкой терминологии говора старых заводских селений Южного Урала с терминологией Западной Сибири, обозначающей эквивалентные или сходные реалии и понятия, показывает, что, по-видимому, в их основе лежат различные генетические источники.

Общая терминология наблюдается только у тех названий деталей рыболовецких орудий, которые утратили узкую локальную отнесенность. Таковы, например, **тетива**, **клячь**, **наплавь**. В. Даль приводит эти

слова без локальных помет. **Тетива** и **наплав** — м. рода, приводятся в словарях русского языка как специальные.

Слово **садок**, известное и говорам Обь-Енисейского бассейна, и в верховьях Белой, обозначает разные реалии. На Белой **садок** — огороженное щитами пространство, проход в рыбозаградительной плотине-заездке, в конце которого ставится морда. В Западной Сибири **садок** — уменьш. к **сад** — специально отгороженная часть водоема, иногда искусственный пруд, куда временно опускается пойманная рыба, чтобы предохранить ее от порчи.

В терминологии рыболовства верховий реки Белой нет таких широко распространенных в Западной Сибири орудий лова, как **самолов**, **перемет**, нет многообразных видов заповров рыбы, имеющих свои, сложившиеся в практике приемы устройства и использования и богатую лексику, которая сложилась, по-видимому, в Западной Сибири.

Сопоставление лексики Обь-Енисейского бассейна и верховий реки Белой между собой и с диалектными словарями показывает, что, очевидно, на формирование рыболовецкой терминологии Западной Сибири оказали влияние севернорусские говоры — Архангельский и Олонецкий, а также автохтоны края. Сравните неславянские названия в рыбозаградительных заповрах: **юнга**, **юрга**, **ютуш**, обозначающие планки и жерди заповров. Мы не отметили и снарядов, подобных обскому **чердаку**, — деревянное, довольно сложное сооружение, опускаемое под лед или устанавливаемое в большую воду, в котором рыба попадает в сетевый мешок, и снарядов типа сходной с чердаком **атармы**. Все это говорит о том, что лексика рыболовства на Белой складывалась иным путем. У нас еще нет исчерпывающих данных для решения вопроса об источниках формирования лексики рыболовства верховий Белой, но, думаем, что на ее развитие оказали влияние говоры Прикамья и Средней Волги.

Замечания о лексике охоты

Охота в экономике жителей при заводских поселков Южного Урала никогда не имела большого удельного веса. Это был подсобный промысел одиночек охотников. До революции за право охоты, так же как и за право рыбной ловли, платили кортом. В пореволюционное время охрану полезных зверей и разведение их взяло в свои руки Советское государство. На Южном Урале созданы заповедники: Ильменский на севере Челябинской области, Башкирский в районе реки Белой. Начали создаваться питомники и зверофермы.

Разведение и охрана зверей в заповедниках, питомниках и зверофермах носит научно обоснованный характер, а терминология отлова зверя и охоты — литературно-книжная.

Диалектная лексика охоты в исследуемом говоре представлена небольшой группой слов, являющихся в системе диалекта профессионализмами, известными только кругу охотников-любителей. В значительной своей части эта диалектно-профессиональная лексика архаична. Она обозначает реалии исчезнувших или исчезающих предметов охоты. Так же, как и в Западной Сибири, ружье и железный капкан вытеснили многообразные деревянные ловушки и волосяные силки, бытовавшие в при заводских селениях Южного Урала в старину.

Нам удалось выявить ряд своеобразных в этнографическом отношении орудий лова у стариков-охотников и зафиксировать их терминологию.

Охота в верховьях Белой носила сезонный характер. Охотились осенью и зимою, но на волка, зайца, лису — круглый год. Охотничье снаряжение в говоре называют **снаряд**. В понятие входит ружье или ловушка на зверя и птицу, охотничья обувь; чаще это **обутки** — кожаные сапоги без каблука. В Сибири их называют **бахилы**. В снаряд входит и огниво из стали и кремня, ударами о который высекают огонь, **чикма**.

В. Даль приводит это слово в статье *чикать* в двух вариантах: *чикмарь* и *чекмарь* «от татарского *бить*».

Зимой на охоту ходили на **обшивнях**-лыжах, подшитых шкурой жеребят или телят с ноги животного. **Обшивни** не дают лыжам скатываться при восхождении на гору. Чтобы лыжи не раскатывались, их **продоразживали** — делали тонкое углубление вдоль полотна лыжи посередине, дорожку.

Самым распространенным орудием охоты в наши дни в верховьях Белой является железный капкан. В терминологии его деталей обращает на себя внимание то, что большинство из них образовано путем сужения значения общеупотребительных многозначных слов.

Било. Чаще во множест. числе — **Билы**. Деталь капкана, прихлопывающая зверя. В установленном капкане **билы** во взведенном состоянии **насторожены**. Запор. Замок капкана. Пряжа — застежка железного капкана.

Изменением значения образованы и термины, обозначающие процессы охоты капканом: **отводить**, **стандарт**.

Отводить — отвлекать внимание. При установке капкана на звериной тропе нужно **отвести** зверя, отвлечь его внимание чем-либо, чтобы он смело шел по тропе, где установлен капкан.

Стандарт. Прием, способ, манера охоты. Очевидно, слово появилось в языке охотников под влиянием книжной терминологии. В говоре оно детерминировалось и расширило значение.

На волка капкан. На лисицу правилка.

На каждого зверя свой стандарт (Нижний Авзян).

Кроме капкана, на волков охотились и с помощью деревянных ловушек, которые охотники обозначают описательно — **ловушка на волков**. Это деревянная западня, которая состоит из **иструба** — бревенчатого сруба, прикрытого досками, и **иструбчика** — сруба поменьше внутри большого. К **иструбу** подведены мостики — две доски, уложенные на **вертушках**. С их помощью волк сбрасывается во внутренний сруб, откуда он уже не может выбраться.

Добивают волка **рогатиной** или из ружья. Некоторые старики-охотники помнят о шомпальной винтовке, которую называли **сызма**.

Были винтовки-шомполки, **сызма** башкиры называли.

Это у них дороже всякого капитала (Авзян).

В ловушку на волков обязательно привязывали **подсад** или **подсадок**. Это привязанный в большой сруб ягненок или козленок, блянием приманивающий волка.

Охота на медведя с помощью разного вида ловушек в верховьях реки Белой исчезла. Охотятся на медведя обычно зимой ружьем с **лабаз**.

Выследив берлогу по **куржаку**, инею от дыхания медведя, оседающему на кустах, или по другим приметам, охотники строят **лабаз**. Выбираются два близкостоящих дерева, около них вкапываются один, два столба; на этих опорах укрепляются жерди — **кладь**, на которой из досок и хвои выстилаются **полаты**. С полатей охотник стреляет

в медведя, когда его поднимут из берлоги, на полатах охотники отсиживаются в случае опасности.

Лабаз в том же значении, что и в верховьях Белой, по данным региональных словарей, бытует в Архангельской области, в Карельской АССР, в несколько другом звучании — **лавас** — в Псковской и Костромской областях, в Сибири, на Среднем и Северном Урале. С другими значениями слово **лабаз** отмечено на Колыме Богоразом. Это помост для хранения мяса, юколы и т. п. от хищного зверя. В Архангельской области **лабаз** — место или отдельное строение на рыболовной ватаге, где солят рыбу. (См.: Опыт областного великорусского словаря, СПб., 1898).

Заметим, что в речи охотников верховий Белой сохранился устойчивый оборот **ходить на медведя**. На других зверей не ходят. На них **ставят капканы и ловушки**, реже — охотятся.

Старшее поколение охотников помнит, что на медведя ставились **плашки**. Но как их делали и, тем более, какова терминология их деталей, не помнят.

Обращает на себя внимание факт, что в верховьях Белой и в Западной Сибири деревянные ловушки на медведя и на мелкую дичь или зверя, устроенные по одному принципу, но различными способами, имеют одинаковые названия.

В Западной Сибири на медведя ставят **кулёму** — капкан из бревен, прихлопывающий зверя, когда он заденет насторожку, а на зайца ставят **кулёму** — капкан, в котором зверя придавливает установленная особым образом слега.

На р. Белой на медведя и мелкого зверя охотились **плашками**. **Плашка** на мелкого зверя бытует и сейчас. Ставится плашка чаще всего на зайца. Все ее детали сделаны только из дерева. На поперечную **кладку** (слегу, укрепленную на колышках и положенную горизонтально) кладется **лекан**. (Деревянный чурбак в метр — полтора длины. Это не специальный термин. Слово **лекан** употребляется и в других сферах речи). Протянутое на пути зверя по тропе мочальное лыко, если его заденет зверь, сбивает **кладку**, и **лекан** придавливает зверя.

В Западной Сибири на мелкого зверя охотятся **кулёмкой** и **плашкой**. **Плашку** мы наблюдали в с. Маковском Красноярского края, которое находится примерно в ста километрах на северо-запад от г. Енисейска и где начинался Маковский волок с реки Кеть на Енисей по старому водному пути с Иртыша на Енисей.

В Маковском ставят **плашку** на белку, колонка, горностая. Иногда в нее попадает соболю.

Плашка делается из сутунка-дерева длиной около метра с диаметром в 30—35 см. Продольным разрезом сутунок распиливают пополам и из половинок делают две плашки. Половинка сутунка горизонтально пропиливается так, чтобы ее можно было разжать и вставить **наплашник**-деталь, удерживающую надпиленные части плашки подобно раскрытой пасти.

Наплашник — это насторожка капкана, сделанная из двух планочек. Верхняя имеет прямоугольную выемку, в которую на одну треть входит нижняя планка. К нижней планке прикрепляется приманка. Зверь, начав грызть приманку, сдвигает нижний **наплашник** и прихлопывается капканом. Устанавливается плашка на деревьях на высоте от 60 до 100 см от земли. Выбираются два дерева, отстоящие одно от другого на расстоянии 30—50 см, в них врезается горизонтальная планка, называемая **грядкой**. Сзади, на расстоянии немного меньшем длины плашки, вкапывается кол. Высота его чуть выше грядки.

Задним концом плашка устанавливается на кол, а настороженной пастеобразной частью — на грядку.

Этот капкан мы наблюдали в Маковском в 1951 году в диалектологической экспедиции Томского университета в Енисейском районе, руководство которой было поручено автору.

Как видно из описания, плашка в верховьях Белой и в Енисейском районе — разные капканы, хотя и основаны на одном принципе.

Уральская плашка по характеру устройства больше похожа на **кулёмку** Западной Сибири. Названия деталей у кулёмки, однако, не совпадают с названиями деталей уральской плашки. В кулёмке различают: **пес(т), насторожку, шестик, верхний порог, исподний порог**¹.

На том же принципе, что и уральская плашка, строится на Белой капкан на лису, называемый **правилка**. Отличается он от плашки только приманкой, которую в него устанавливают.

Силки

Кроме примитивных деревянных капканов в охоте на птицу и мелкого зверя на Южном Урале применялись волосяные силки. Их существовало три вида: **попружок, петелька, пленка**.

Попружок — силок на глухарей. Он состоит из настороженной волосяной петли, укрепленной на **коклюшку**, и шеста, выполняющего роль пружины, затягивающей петлю. Шест укрепляется на дереве и настораживается маленькой палочкой-**коклюшкой**. Если глухарь заде-нет или собьет коклюшку, шест утратит равновесие и, опускаясь тяжелым концом, затянет петлю. Чтобы глухарь шел в попружок, ставят **городьбу** — загородку из прутьев, направляющую глухаря к приманке.

В. Даль приводит: **пружек** — м. вост. «силок, пленка на лучке, на согнутом пруте для ловли птиц бол. рябчиков».

Петелька — силок, устроенный по тому же принципу, но отличается от попружка тем, что в нем затягивают петлю установленные особым образом грузила. Около петельки не ставят городьбы и охотятся ею и на мелких зверьков, устанавливая петельку на звериных тропах.

Обращает на себя внимание семантика слова **коклюшка**. В говоре слово многозначно: 1. Небольшая палочка, которой настораживаются волосяные силки: попружок и петелька. Спец. Охотн. в говоре. 2. Маленькая, немногим больше ширины ладони круглая палочка, прибитая горизонтально к концу черена различных инструментов: лопаты, ровняльника и т. п., чтобы ими было удобней работать. 3. Костыли. Переносн. по сходству детали костылей с коклюшкой на черене.

Его плоты и заставили на коклюшках ходить.

Застудил ноги (Авзян).

Литературное значение «палочка для вязания кружев» в говоре не отмечено.

По-видимому, говор сформировал новую полисемию у этих слов, в основе которой лежит общее значение «маленькая круглая палочка».

¹) Описание этих орудий охоты и их терминология даны нами в статье «Терминология охоты Обь-Енисейского междуречья». Вопросы современного русского литературного языка, диалектологии и методики. Свердловск, 1960, стр. 146—174.

Пленка — третий тип силков. Ставится на зайца. Она отличается от попружка и петельки тем, что настораживается сам силок, попав в который зверек затягивает петлю силка своей тяжестью. В Нарыме пленку такого же типа используют в охоте на уток. Пленку устанавливают на озере в камышах или вблизи кочек на двух вертикально вбитых в дно водоема колышках. На Урале пленку на зайца укрепляют на деревьях или кустах.

В. Даль приводит слово без локальных помет. Описание у Даля не приводится.

Мы ожидали, что в верховьях Белой сохранится охота на гусей **перевесом**, которую наблюдал здесь П. С. Паллас во время своего путешествия². Однако охотники на Белой не охотятся перевесом и не знают об этом способе охоты на гусей.

В 1952 году мы наблюдали в Сургутском и Самаровском районах Тюменской области **перевес** такого же типа, как описанный П. С. Палласом³. Очевидно, это орудие охоты передвинулось в Сибирь.

У нас нет исчерпывающих данных для суждения о распространении перевеса на Среднем и Северном Урале. В Обь-Енисейском междуречье мы наблюдали его только на севере Тюменской области.

Рассмотренный материал по лексике рыболовства и охоты верховий реки Белой дает основание сделать некоторые предварительные выводы. Локальную соотнесенность с другими говорами по нашим материалам можно указать только для немногих слов.

Слово **мусал** — морда зверя, по-видимому, сформировалось на Южном Урале. В. Даль приводит: «Мусала — ср. мн. Кур. сусала, сысала, салазки, скулы».

Зачикотать — затоковать. Слово, очевидно, звукоподражательное. Как зачикотал глухарь, ничего он не чувствует, смело подходит (Авзян).

Ласточка — ласка. *Mustela nivalis*. Млекопитающее из породы кунных. В. Даль приводит слово с пометой ошибоч. Локализация Далем не указывается.

Обращает на себя внимание, что производные **отжировать** на Белой и в говорах Обь-Енисейского междуречья относятся к различным группам понятий. На Белой отмечено в охотничьей лексике: **нажируется** — накопит жира, отъестся, разжиреет. (О барсуке). В говорах Обь-Енисейского междуречья от этой основы образованы термины рыболовства: **жирова(я) рыба** — рыба, которая во время разлива выходит на луга, где откармливается и жиреет.

Жировой лов — лов жировой рыбы. Чаще всего ведется с помощью рыбозаградительных сооружений — запоров, когда реки начинают входить в берега.

Охотничья лексика старых заводских селений Южного Урала существенно отличается от рыболовецкой. Если названия главных рыболовецких орудий — **невод**, **сеть**, в некоторых местах **брედень** — литературные, то в терминологии охоты общие названия ловушек не являются широко известными. Они входят в состав профессиональной лексики охотников, и хотя некоторые из них не имеют четкой локализации, их воспринимают как диалектные термины в силу присущей им энтографической специфики.

²) П. С. Паллас. Путешествие по разным местам государства Российского. Ч. II, кн. 1, СПб., 1786, стр. 422—424.

³) Перевес и терминология его деталей описана нами в статье «Терминология охоты Обь-Енисейского междуречья». Вопросы современного русского литературного языка, диалектологии и методики. Свердловск, 1960, стр. 166—167.

В связи с тем, что многие орудия охоты, применявшиеся прежде, исчезли или выходят из употребления, охотники не всегда помнят наименования деталей снаряда. Обычно терминированы те детали, которые выполняют важные функции. Названия их сохраняются дольше. Эту особенность охотничьей лексики мы наблюдали и в Западной Сибири, и на Южном Урале.

За исключением архаического **сызма** (шомпольная винтовка) в верховьях Белой охотничьи термины восточнославянские.

Сопоставление южноуральской охотничьей лексики с диалектной лексикой Западной Сибири наводит на мысль, что некоторые орудия охоты, по-видимому, с Урала переместились в Сибирь. Таковы: **перевес**, **плашка**, **пленка**, но не исключена возможность, что и на Урал, и в Сибирь некоторые орудия русские переселенцы перенесли непосредственно. Во всяком случае, ловля птицы перевесом известна еще из памятников письменности старшего периода.

Некоторые орудия охоты сходного устройства в Западной Сибири и на Южном Урале называются по-разному. Так, уральская **плашка** на медведя и зайца в Сибири носит название **кулёма**, или **кулёмка**.

В терминологии ряда орудий лова рыбы и зверя в Западной Сибири наблюдаются заимствования из языков автохтонов края. Таковы, например, **покальпо** — клинья по обеим сторонам колодки охотничьего капкана, **клевцы**, которыми закручиваются жилные гужи капкана, выполняющие функцию пружины.

Симка или **синка** — волосяная, реже пеньковая нить для настораживания капканов.

Термин **синка** отмечен в Мурманской и Олонецкой областях. (См.: Опыт областного великорусского словаря; И. И. Дуров. Опыт терминологического словаря рыболовецкого промысла Поморья. М., 1929; Г. И. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898).

Думаем, что заимствование в говорах Сибири могло осуществляться непосредственно из хантыйского или мансийского языков, принадлежащих к финно-угорской группе, также как и карельский и финский языки, из которых заимствовано слово в севернорусских говорах.

Тамар — стрела. Так называется реалия тогда, когда она служит частью охотничьего оружия — **лука с тамаром**.

На Южном Урале в терминологии охоты иноязычных слов мы не отметили.

Указанные обстоятельства позволяют высказать предположение, что влияние сибирских говоров на формирование южноуральской лексики маловероятно, обратное же влияние в некоторых случаях не исключено.

А. А. ПЫХТЕЕВА

ЛЕКСИКА ГОВОРОВ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры северных районов Омской области, распространенные на «пороге» Сибири и сложившиеся раньше других сибирских говоров, заслуживают самого серьезного внимания исследователей, так как их изучение в системе сибирских говоров поможет дать ответы на многие еще не решенные вопросы. И задачей первой необходимости является сейчас сбор диалектного материала.

Объектом исследования является лексика и фразеология старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Работа основана на материалах, собранных студентами Томского университета Войтюк С. А. (1964 г.) и Пыхтеевой А. А. (1963—1964 гг.), и является дополнением к статье О. И. Блиновой и В. В. Палагиной «Лексика и фразеология говоров Среднего Прииртышья». Обследованы говоры села Ново-Ягодное Знаменского района и села Иванов Мыс Тевризского района.

Названные села возникли не позднее XVIII века. По утверждению А. Д. Колесникова¹⁾, район, начинающийся севернее Аевской слободы до Татмыцкой слободы, был заселен в XVI—XVII веках. На этой территории и находятся Иванов Мыс и Ново-Ягодное. Первыми переселенцами в этот район Сибири были выходцы из северных губерний России.

В обследованных говорах сохранились основные особенности севернорусского наречия. Отмеченные особенности: оканье, Г взрывное, стяжение гласных в окончаниях прилагательных и глаголов, произношение СТ без Т, мягкие шипящие Ж и Ш, произношение звуков В и Ф, как в литературном языке, — подтверждают севернорусскую основу рассматриваемых говоров.

Настоящая работа содержит 270 диалектных слов и фразеологических оборотов, в работе представлены слова, отсутствующие в словарях русского литературного языка или сопровождающиеся пометой «областное».

Словарь говоров Среднего Прииртышья составлен по тем же принципам, что и словарь в статье О. И. Блиновой и В. В. Палагиной «Лексика и фразеология говоров Среднего Прииртышья».

¹⁾ А. Д. Колесников. Из истории заселения Среднего Прииртышья (XVIII в.). Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР, вып. 5 (12), Омск, 1963; А. Д. Колесников. Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья. Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР, вып. 7 (14), Омск, 1965; А. Д. Колесников. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII веке. Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР, вып. 6 (13), Омск, 1964.

- БАБАЙ**, м. Детское пугало. Зна м.
- БАБА**, ж. Замужняя женщина. Зна м.
- БАБКА**, ж. Деревянный брус на плоту. — Бабка сколочена сзади (Н.-Яг.). Зна м.
- БАШЛЫК**, м. Устар. Староста рыболовной артели. — Башлык — это кто заведоват неводом (Ив. М.). Тевр.
- БЕЛАНОЧКА**, ж., обычно мн. **беланочки**. Сорт грибов. — Под старой травой напевают оне, беланочки (Ив. М.) Тевр.
- БИТАЯ ПЕЧЬ**. Печь, сделанная из глины. — Битая печь из земли, соли подбавляю (Ив. М.) Зна м. Тевр.
- БЛУДНЯ**, ж. Птица, питающаяся кедровыми орехами, кедровка. — Блудня называется и роньжа — птица, орешки таскает (Ив. М.). Тевр.
- БОБУШКА**, ж. Грузило на сетях и самоловах. — Бобушки-якоря (Ив. М.). Тевр.
- БОГАЧ**, м. Богатство. — Богачу много было (Ив. М.). Тевр.
- БОКОВУШКА**, ж. Место, где закрывают вьюшку печи. — Боковушка-дверка (Н.-Яг.). Зна м.
- БОЛОНИСТЫЙ** (о дереве). Имеющий много болони. Зна м.
- БОЛЬ**, ж. Болезнь. — Заболел вить какой болью (З.). — Рашшиб паралич — боль така (Ив. М.). Тевр.
- БОРОВИК**, м. Часть печи ближе к трубе. — Боровики в той печи, чтобы тепло (Ив. М.). Тевр.
- БОТ**, м. Орудие для сбивания шишек. Бот — названья (Ив. М.). Тевр.
- БРОДНИЧОК**, м. Уменьш. от бродник. — Бродничок — вдвоем, втроем.
- БРАТЕЛЬНИК**, м. Двоюродный брат. Зна м.
- Надо тебе ведро или два — добудешь да и домой (Ив. М.). Тевр.
- БЫВАТЬ**, куда. Бывать, где. — Сын де-то в Омским, редко бывает суды (Ив. М.). Тевр.
- БЫСТРЕДЬ**, ж. Место стремительного течения на реке. — Быстредь на омуте вот (Н.-Яг.). Зна м.
- ВАГА**, ж. Устройство для поднятия бревен, рычаг. Зна м.
- ВАЖИТЬ**. Поднимать бревна вагой. Зна м.
- ВАЛЕК**, м. Брусочек для отделения ореха от шишки. — На терке етой-то вальком катают, они и отшалушиваются (Н.-Яг.). Зна м.
- ВАРЕВО**, ср. Количество пищи, сваренной на один раз. — По ночам рыбу ловили. Токо для своего питания, на варево добыл и ладно (Ив. М.). Тевр.
- ВЕРЕТЕШКО**, ср. Веретено. — Гли шерсти веретешки. Тевр.
- ВЕЧЕРОВАТЬ**, несов. Проводить вечер. Тевр.
- В ЖИВНОСТИ**. При жизни. — У Василия жена в живности когда ишо была. Я ее басловляла (Ив. М.). Неужели Антонида Тихоновна думала, что и она умрет. В живности ничо не получила (Ив. М.). Тевр.
- ВЗАМУЖ**, нар. Замуж., — В етот дом выходила взамуж (Ив. М.). Тевр.
- ВЗАМУЖЕМ**, нар. Замужем. — Только третий год взамужем. (Ив. М.). Тевр.
- ВЗОЙТИ**. Вступить, войти куда-либо. — Мы в колхоз взошли сразу (Ив. М.). Мы только в деревню взошли (Ив. М.). Тевр.
- В МОЮ БЫТНОСТЬ**. При моей жизни. — Теперь урман вычистили, а то проехать нельзя было в мою бытность (Ив. М.). Тевр.
- ВНОГО**, нар. Много. — Вного льну сеют, вного дергают (Ив. М.). Тевр.

ВОДИТЬСЯ, с кем, несов. Нянчить ребенка. — Я с имя помаленьку водилась (Ив. М.). Тевр.

ВОЖАТЕЛЬ, м. Проводник плотов, лоцман. Зна м.

В ЧЕЖЕЛОМ ВИДЕ. О стельной корове. — Наособицу стайка была, хлевок — корову в чежомом виде (Ив. М.). Тевр.

ВЫВАЖИВАТЬ. Вывозить. — Колхоз помогает. Лесу напиливает, трактор дают вываживать (Ив. М.). Тевр.

ВЫДАВЛЯТЬ. Выдавливать. — Ковда так болит голова, аж глаза выдавляет (Ив. М.). Тевр.

ВЫПАШЬ, ж. Земля, оставленная под залежь, истощенное поле. — Беланочки на выпашах, раньше пашня была, да заросла молодым безрезником (Ив. М.). Тевр.

ГАДЮГА, ж. Гадюга. Зна м.

ГЛЫЗА, ж. Обледенелый ком снега. — Снег глызами. Зна м.

ГНЕЗДО, ср. Основа плота. Зна м.

ГНУСНЫЙ. Неприятный, с больной кожей. — Не знаю, парень не гнуснай (Ив. М.). Зна м. Тевр.

ГОНЯТЬ ГОНЬБУ. Устар. Перевозить пассажиров, почту, товары. Свекор гоньбу гонял (Н.-Яг). Зна м.

ГОРНУШКА, ж. Углубление в печи, куда сгребают угли. — Горнушка — ямочка для угля (Ив. М.). Тевр.

ГОРОДЬБА, ж. Предварительно огороженный участок для вязки плотов. Само ограждение. — Городьба сначала — чтоб лес не расплывался (Н.-Яг). Зна м.

ГРЕБЬ, ж. Пара гребных весел. — Гребни само собой, четыре человека — две гребни (Ив. М.). Тевр.

ДВУХСКАТКА, ж. Двухскатная крыша. Зна м.

ДЕЛЯНА, ж. Участок земли для посева. — У каждого своя дяляна. Всего посеешь (Ив. М.). Тевр.

2. Участок леса, предназначенный для вырубки. Зна м.

ДОБЫВАТЬ. Получать охотой, рыбной ловлей. — Стрелять-то в Иртыше добывают (Ив. М.). Тевр.

ДОМАШНОСТЬ, ж. Хозяйство. — В своей домашности пару лошадей держали (Ив. М.). Тевр.

ДОПОЛНА, Очень много. — Два самоварчика у ей, меду дополна (Ив. М.). Тевр.

ДОСЕЛЬ. До этого места. — Только досель больша деревня (Ив. М.). Тевр.

ДЮЖИТЬ. Выдерживать, выносить. — Все дюжила, а теперь на марку пошла (Н.-Яг). Зна м.

ЖИВНОСТЬ. ПРИ ЖИВНОСТИ. — При жизни мужику не пожилось. При живности не узнала (Ив. М.). Тевр.

ЖИЛЬЕ, ср. Тонкие ивовые прутья и рыболовные снаряды из них. Заперли рыбу — это называется жильем. (Ив. М.). Тевр.

ЖИТО, ср. Хлеб в зерне. — Житом дают, не муки (Ив. М.). Тевр.

ЖИТУХА, ж. Жизнь. — Житуха-то не шибко добра была (Ив. М.). Тевр.

ЖУЛАН, м. Снегирь. Зна м.

ЗАБИРАТЬ. ТЕСОМ ЗАБИРАТЬ. Задевывать тесом. Зна м.

ЗАБОРИНА, ж. — Одно бревно забора. Зна м.

ЗАБУРАНИТЬ, что. Занести снегом. Зна м.

ЗАВЯЗЬ, ж. — Запястье, завязь развилась (Н.-Яг). Зна м.

ЗАГНЕТА, ж. То же, что горнушка. — Яма. — Загнета. (Ив. М.). Тевр.

- ЗАГНЕТКА**, ж. То же, что горнушка. — Загнетка — ямочка для угля (Н.-Яг). Зна м.
- ЗАДОРГА**, ж. Боковые части пода русской печи. Зна м.
- ЗАКОЛЕВАТЬ**. Мерзнуть. Зна м.
- ЗАНЕНАСТИТЬСЯ**. Начаться плохой, дождливой погодой. Зна м.
- ЗАПЛОТИНА**, ж. Одно бревно, доска заплота. Зна м.
- ЗАПЛОТНИК**, м. Бревно для забора. Зна м.
- ЗАПОГОДИТЬСЯ** (о погоде). Стать плохой. Зна м.
- ЗАПУРЖИТЬ**. Начаться пурге, засыпать снегом. Зна м.
- ЗАРИТЬСЯ**. Рассветать. Зна м.
- ЗАУМИРАТЬ**. Начать умирать друг за другом. — А как заумирали, закричись — не воротишь (Ив. М.). Тевр.
- ЗАУРОСИТЬ**. Заупрямиться, закапризничать. — Ездили за невестой, кони зауросили, колдовства теперь и слуху нет. (Ив. М.). Тевр.
- ЗАХМУРЕТЬ**. Покрыться тучами. Зна м.
- ЗАЯВИТЬСЯ**. Появиться, явиться. — Вот он, Иван, заявился, и пошел Иванов Мыс (Ив. М.). Тевр.
- ЗЕМЛЯНКА**, ж. Земляника. Зна м.
- ИГЛИЦА**, ж. Деревянный брус у плота. Зна м.
- ИПЯТЬ**. Опять. — Ипяť уехала (Н.-Яг.). — Ты ипяť курил? ((Ив. М.). Тевр.
- ИСТОПЕЛЬ**, ж. Количество дров, необходимое для того, чтобы истопить печь (Н.-Яг.). Зна м.
- КАРАУЛЬНИК**, м. Сторож. Зна м.
- КАРТОВОЧКА**, ж. Уменьшит.-ласкат. к **КАРТОФЕЛЬ**. — Нонче цветет картовочка (Ив. М.). Тевр).
- КЕДЕРКА**, ж. Уменьшит.-ласкат к **КЕДРА**. Зна м.
- КЕДРАЧ**, м. Лес из кедров. — Кедрач и только (Ив. М.). Тевр.
- КЕРЖАК**, м. Старовер, старообрядец. — У нас кержаков много было (Ив. М.). Зна м. Тевр.
- КИДАТЬ ИКРУ**. Метать икру. — Икру кидают, выкидывают (Ив. М.). Пока икру они кидают, рыбачить нельзя (Ив. М.). Тевр.
- КИЛА**, ж. Грыжа. Кила — у мушшин грыжа бывает (Н.-Яг.). Зна м.
- КАЛЕКИИ**. Больной с детства, постоянно. Зна м.
- КОБЫЛКА**, ж. Большой кузнечик. Зна м.
- КОВДА**. Когда. — Волки ковда хошь быть можно (Ив. М.). Тевр.
- КОВДЫ**. Когда. — Ковды немец нас окружил . . . (Ив. М.). Тевр.
- КОЛОДНИК**, м. Сваленное, но неиспользованное дерево. Зна м.
- КОЛОТ**, м. Способ добывания шишек. — Шишка уж с колота пошла (Ив. М.). Зна м.
- КОЛОТУШКА**, ж. 1. Орудие кедрового промысла. Зна м. Тевр.
2. Вспомогательное приспособление для рубки дров. Зна м.
- КОМЕЛЬ**, м. Нижняя часть ствола. Зна м.
- КОРЕНУШКА**, ж. Нижняя часть ствола с корнем. — Коренушку-копанку выкопали (Н.-Яг.). Зна м.
- КОРЧАЖКА**, ж. Плетеная из прутьев ловушка на мелкую рыбу. — У остяков корчажка, майдан (Ив. М.). Тевр.
- КРАИ**, м. Конец. — Топерь ничо не могу: край подходит (Ив. М.). Скоро и нам край придет, скоро уж. Ночью болела (Ив. М.). Тевр.
- КРЕМЛЕВЫИ**. Крепкий, имеющий кремь (о дереве). — Кремлевый — он жесткий лес (Ив. М.). Зна м. Тевр.
- КРУГЛАШ**, м. Круглое, нерасколотое полено. Зна м.
- КРУГЛАЯ** крыша. Четырехскатная. Зна м.

- КРЫЛЕЦ**, м. Крыльцо. Знам.
- КРИВДА**, ж. Орудие рыбной ловли. — Промышляем сетями, кривдами (Ив. М.). Кривда на 250 (петель) вяжется (Ив. М.). Тевр.
- КРОМИТЬ**, Делать кромку вдоль доски. — Кромить — подтясывают края тесовых досок (Н.-Яг.). Знам.
- КУРЖАК**, м. Густой иней. Знам.
- КУТЬ**, ж. Часть кухни перед печкой, где стряпают хозяйки. — В куте — у печки (Н.-Яг.). Знам.
- КЫРГЫЗ**, м. Киргиз. — Сибиряк — то черный, как кыргыз (Ив. М.). Тевр.
- ЛАДНО**, нар. Хорошо, правильно. — То ли ладно, то ли не ладно написано (Ив. М.). День ладно, да два хвораю (Ив. М.). Тевр.
- ЛАЗАК**, м. Человек, сбивающий шишки, влезая на дерево. — Лазак — кто лазит, тот и собирает (Ив. М.). Тевр.
- ЛАПОС(Т)Ь**, ж. Ступня. Знам.
- ЛЕЗЬЕ**, ср. Острая часть топора. Знам.
- ЛЕЛЯ**, ж. Крестная мать. Знам.
- ЛЕНЬ**, м. Рыба линь. — Шшука, окунь, язь, стерлядь, красная рыба, лени. (Ив. М.). Тевр.
- ЛЫКА**, ж. Лыко. — Метлы делаем, лыки дерем (Ив. М.). Тевр.
- ЛЫСИТЬ**. Обтесывать лесной материал для просушки. — Лысить — с одной стороны жердину скребут (Н. Яг.). Знам.
- ЛЫТКА**, ж. Бедро. Знам.
- МАЙДАН**, м. Приспособление для ловли рыбы(?). — У остяков корчажка, майдан (Ив. М.). Тевр.
- МАНГАЗЕЯ**, ж. Устар. Общественный склад запасного хлеба. — Мангазея, мангазин — ссыпали хлеб казенный, на краю деревни стояла (Н.-Яг.). Знам.
- МАНГАЗИН**, м., см. МАНГАЗЕЯ. — Мангазея, мангазин — ссыпали хлеб казенный, на краю деревни стояла (Н.-Яг.). Знам.
- МАРТЫН БЕЛЫЙ**. Водоплавающая птица из семейства чайковых. — Мартын белый — высокий на ногах (Н.-Яг.). Знам.
- МАСЛОДЕЛЕЦ**, м. Маслодел. Тевр.
- МАСЛЯНИЧНАЯ** краска. Масляная краска. Знам.
- МЕЗГИРЬ**, ж. Паук. Знам.
- МЕЗЫМЯННЫЙ**. Безымянный (палец) — Указательный, средний, мезымянный (Н.-Яг.). Знам.
- МЕНДУ**. Предлог. Среди. — Менду старожилов жила (Н.-Яг.). Знам.
- МЕРЕЖА**, ж. Небольшая сеть. — Мережа — маленька сеть (Ив. М.). Тевр.
- МЕСТО**, ср. Родина, место рождения. — Мое место — Витебска губерня (Ив. М.). Тевр.
- МЕТРА**, ж. Метр. — На метру отлетат земля (Ив. М.). Тевр.
- МОЛЕННАЯ**, ж. Место, предназначенное для моленья. — Топерь у нас часовня — моленна (Ив. М.). Тевр.
- МОРДУШКА**, ж. Орудие рыбной ловли. — Мордушки плетут, ловят в речке (Ив. М.). Тевр.
- МОРОЗЯК**, м. Морозный, колючий ветер. Знам.
- МОРОК**, м. Туман, облачность, сумрак. Знам.
- МОРОЧНО**, нар. Пасмурно, туманно. Знам.
- МУТОВКА**, ж. Орудие рыбной ловли, предназначенное для вычерпывания рыбы из сети. — Мутовка — это сак (Ив. М.). Тевр.
- НАБОЙ**, м. Сугроб. — Набило снегу, что не пролезешь нигде — набой (Н.-Яг.). Знам.

- НАЙМОВАТЬСЯ.** Наниматься.—Лес наймовались возить (Ив. М.).
Тевр.
- НАПЛАВОК,** м. Поплавок.—Наплавки у самоловов (Ив. М.).
Тевр.
- НАПОСЛЕДУШКИ.** Под конец, в завершение всего.—Поработают — два три года напоследушки (Ив. М.). Тевр.
- НАОСОБИЦУ,** нар. Особо, отдельно.—Наособицу стайка была (Ив. М.). Тевр.
- НАХМУРИВАТЬ.** Стать пасмурным, с тучами (о небе). Знам.
- НЕБО,** ср. Верхняя часть свода русской печи.—Небо — в печке (Н.-Яг.). Знам.
- НЕКОВДЫ.** Некогда.—Нековды веники делать (Ив. М.). Тевр.
- НЕМОЧЬ,** ж. Неожиданная болезнь.—Оне — немочь пришла — пропали (Ив. М.). Тевр.
- НЕСЛАВНЫЙ.** Нечистая сила.—Неславный слых ей вышиб (Ив. М.). Тевр.
- НЕТРИКИ,** мн. Метрики.—По нетрикам с третьего году (Ив. М.),
Тевр.
- НИТЕНКА,** ж. обычно НИТЕНКИ, Нитенки у ручного ткацкого станка.—Бёрды, нитенки, подножка. (Ив. М.). Тевр.
- ОБОЛВАНИТЬ.** Сделать из дерева болванку. Знам.
- ОДНО. ВСЕ ОДНО.** Все равно.—Все одно товару мало дак. (Ив. М.). Хыть рыбачить, хыть добывать — все одно (Ив. М.) Тевр.
- ОДЫБАТЬСЯ.** Выздороветь. Знам.
- ОКОЛЬНИЦА,** ж. Переплет окна, рама со стеклом. Знам.
- ОСЛОБОДИТЬСЯ.** Освободиться.—Должон он ослободиться (Ив. М.). Тевр.
- ОСОПАТЕТЬ.** Заболеть насморком. Знам.
- ОСТЫТЬ.** Простудиться. Знам.
- ОТ.** Вот.—От тут уж он соберет (Ив. М.). Тевр.
- ОТБОРОНЯТЬСЯ.** Защищаться.—От смерти не отборониться. (Ив. М.). Тевр.
- ОТГОННАЯ.** Открытое, огороженное место для скота. Знам.
- ОТКАЗАТЬ.** Запретить.—Таперь отказано ловить (Ив. М.). С удочкой будто не отказывают (Ив. М.). Тевр.
- ПАДАЛИКА,** ж. Опавшая кедровая шишка.—На земле так и пропадет. Падалика называется (Ив. М.). Тевр.
- ПАДАЛИЦА,** см. ПАДАЛИКА.
- ПАДЕРА,** ж. Буря со снегом или дождем, с порывистым ветром. Знам.
- ПАЛЫЙ.** Обрушившийся.—За палой мельницей мы, бывало, косили (Ив. М.). Тевр.
- ПАУТ,** м. Овод.
- ПЕКАРИХА,** ж. Женщина — пекарь, Знам.
- ПЕЛЕВА,** ж. Мякина.—Солома, пелева, мекина — все в ход шло (Ив. М.). Тевр.
- ПЕРЕКАТЫВАТЬ.** Перестраивать рубленный дом.—Дом уж обваливается, люди-то перекатывают (Ив. М.). Дом старинной, двухэтажной, прошлай год перекатали (Н.1Яг.). Знам. Тевр.
- ПЕРСТА,** мн. Пальцы. Знам.
- ПЕСЕЛЬНИК,** м. Песенник.—Он песельник.—Оне, как соловьи, бывало, поют (Ив. М.). Песельник был, молоды-то все песельники были (Ив. М.). Тевр.

ПЕСЕЛЬНИЦА, ж. Песенница. — Песельница была (Ив. М.). Тевр.

ПЕХАТЬ. Толкать, просовывать — Тут тако непроходимо есь, . . . палку пехай (Ив. М.). Тевр.

ПЕЧУРКА, ж. Углубление в стенке русской печи. — Мы замазали печурку (Ив. М.) Зна м. Тевр.

ПЕШНЯ, ж. Лом с древком для долбления льда. — Лед долбят пешнями (Ив. М.). Тевр.

ПЛАВИТЬ. Сплавливать по воде. — Плавить лес по одной лесине (Н.-Яг.). Зна м.

ПЛАВНАЯ сеть. Сеть для ловли рыбы на лодках. — Сеть плавная — это ковда на лодках (Ив. М.). Тевр.

ПЛАХА, ж. Толстая доска. — Плаха распилена (Н.-Яг.). Зна м.

ПЛОТБИЩЕ, ср. Место, где вяжут плоты. Зна м.

ПЛОТИНА, ж. Нижние бревна плота. Зна м.

ПОГИНУТЬ. Погибнуть. — Сколь нашего брату погинуло (Ив. М.). Оне дома попилили и погинули все (Ив. М.). Тевр.

ПОДАНБАРНИК, м. Пространство под полом амбара. Зна м.

ПОДИБАТЬ. Погибать. — Сын подиб в ету войну (Ив. М.). А брата на войне подибли. (Ив. М.). Тевр.

ПОДКЛЕТЬ, ж. Пространство под полом кладовки. — Подклеть под кладовкой (Н.-Яг.). Зна м.

ПОДПЕЧЕК, м. Узкое пространство под русской печью. Зна м.

ПОДХОДЯВЫЙ. Хороший, подходящий. Тоже народ подходявай (Ив. М.). Народ подходявай, из урману выехали (Ив. М.). Тевр.

ПОДУШКА, ж. Подоконник. Зна м.

ПОМЕС(Т)ЬЕ, ср. Крестьянская усадьба. — Помесье зовется, ране двор. Во дворе и конюшна, хлевок хоть и овчарник (Ив. М.). Зна м. Тевр.

ПОМОЧА, ж. Коллективная помощь при постройке дома. — Помочу делают (Ив. М.). Тевр.

ПОПУТЕ. Последовательно. — Попуте не расскажу, память топерь плоха. (Н.-Яг.). Зна м.

ПОТОМЧИ. Потом. — Потомчи их стала советска власть нажимать (Ив. М.). Тевр.

ПОЧВА, ж. Пятка. Тевр.

ПРАВНУК, м. Правнук. Зна м.

ПРИПАСАТЬ. Запасать. — А не припасет? (Ив. М.). Тевр.

ПРИПАСЕНЬЕ, ср. Запас. — Свое припасенье всякого сорту (Ив. М.). Тевр.

ПРИРУБ, м. Пристройка к дому. Зна м.

ПРОГОН, м. Шест для подводного лова рыбы. — Прогон — это шест (Ив. М.). Тевр.

ПРОДОЛЬНЫЙ. Вид крыши. Зна м.

ПРОСТЫТЬ. Простудиться. Зна м.

ПРЯЛЬЯ, ж. Женщина, занимающаяся ручным прядением. Зна м.

ПРЯСЛО, ср. Одно звено изгороди в длину жерди (доски) от столба до столба. Зна м.

РАЗЖЕНИХА, м. и ж. Человек, расторгнувший брак, разведенный. Зна м.

РАНЕ. Раньше. — Добра ране не видели (Ив. М.). Ране нишшоты полно было (Ив. М.). Тевр.

РЕЗАТЬ. Пилить (о дровах). Зна м.

РИГА, ж. Помещение для сушки снопов. — Рига: от земли переклады, а сбоку печка (Н.-Яг.). Зна м.

РОГАТЫЕ, мн. Рогатый скот. — У етого сына три рогатых, овец правда, нет (Ив. М.). Тевр.

РОДИТЕЛЬНИЦА, ж. устар. Мать. Зна м.

РОДИХА, ж. Роженица. Зна м.

РОДЧИ, РОДЧА. Родом. Они родчи бакшевски были (Ив. М.). Я бакшевска родча (Ив. М.). Здешна я родча (Ив. М.). Тевр.

РОНЬЖА, ж. То же, что блудня. — Блудня называется и роньжа — птица орешки таскает (Ив. М.). Тевр.

РУБИТЬ. Строить (о доме). Хыть строить, хыть рубить — все одно. (Ив. М.). Тевр.

РУКОВИТЬЕ, ср. Просватанье, церемония перед выдачей девушки замуж. — Руковитье делали (Ив. М.). Тевр.

РЫБОЛОВЬЕ, ср. Рыбная ловля. — Рыболовье — рыбалка (Ив. М.). Тевр.

РЫБОК, м. Птица — рябчик. Зна м.

САК, м. То же, что мутовка. — Рыбу всю добудут саком (Ив. М.). Тевр.

САКОВИЩЕ, ср. Черен сака. — Сачки из березы сделаны. Одинаково — саковище (Ив. М.). Тевр.

САНКИ, мн. Челюсти. — Под санки ударить (Н.-Яг.). Зна м.

СБРОДИТЬ куда. Сходить — Пока могу, по воду схожу. Раз-два сбродишь (Ив. М.). Тевр.

СВАДЬБИЧНЫЙ. Свадебный. — Свадьбишны песни пели (Ив. М.). Тевр.

СЕВЕРНЫЙ. Ветренный. — Северная погода (Н.-Яг.). Зна м.

СЕЛЬНИК, м. Сенной склад. — В его и метали, на повесть и в сельник (Ив. М.). Тевр.

СЕНКИ, мн. Сени. — «Сенки, горница» — звали раньше. (Ив. М.). Тевр.

СЕСТРУШКА, ж. Двоюродная сестра. Зна м.

СИВЕРА, ж. Очень холодный ветер со снегом или дождем. Зна м.

СИТО, ср. 1. То же, что решето. — Сито, хыть решето. Вот как качель. (Ив. М.). Тевр.

2. Приспособление для ловли рыбы. — Весной неводами, ситами (ловят) (Ив. М.). Тевр.

СКАЧОК, м. Кузнечик. Зна м.

СКОЛОТЕНЬ, м. Самое большое орудие для сбивания кедровых шишек. Зна м.

СКОЛЬКОЙ. Который. — Она уж сколькой год стоит у меня (Ив. М.). Мы сколькой год уж (Ив. М.). Зна м. Тевр.

СКОПЫТИТЬСЯ. Захромать. — Скопытился — захромал, напорол ногу вот (Н.-Яг.). Зна м.

СКУСНЫЙ. Вкусный. — Сама скусна рыба (Ив. М.). Тевр.

СЛАСТЕНЬКОЕ. Сладкое. — Сластенького куплю, да милостинку по сыну подам (Ив. М.). Тевр.

СЛЕГА, ж. Жердь, положенная на стропила, при покрытии крыши. Зна м.

СЛОБОДНЫЙ. Свободный, не занятый работой. — Сутки робют, двое слободны (Ив. М.). Тевр.

СМОЛЬЕ, ср. Лучины из смолистой древесины для освещения крестьянской избы. — Смолье жгли, свечи, лучины над водой (Ив. М.). Тевр.

СЛЕПЕХОНЬКИЙ. Экспр. Слепой. — Слепехонька, ниче не помогат больница (Ив. М.). Тевр.

СЛЫХ, м. Слух. — Неславный ей слых вышиб (Ив. М.). Колдов-

ство — теперь этого и слыху нет (Ив. М.). Тевр.

СНИМЩИК, м. Фотограф. — Пять столов было и снимщик снимал (Ив. М.). Тевр.

СНОШЕНИЦА. Жена деверя. Зна м.

СНОШНИН см. **СНОСИН**. — Одна половина сношнина (Ив. М.). Тевр.

СПОСОБИЕ, ср. Пособие. — Способие получаю, хлеб, мясо выписываю (Ив. М.). Тевр.

СПРАВНО, нар. Богато, обеспеченно. — Живут они хорошо, справно (Ив. М.). Тевр.

СПРАВНЫЙ. Богатый, обеспеченный. — Справна деревня Бакшево (Ив. М.). Тевр.

СТАВНАЯ сеть. Сеть, поставленная на одном месте, в отличие от плавной сети. — А ставная, это когда поставили и ждут (Ив. М.). Тевр.

СТАЙКА, ж. Холодное помещение для скота. — Стайка — овцы загоняются, стайка не теплая (Ив. М.). Тевр.

СТАРИННЫЙ, Старый. Живущий очень давно. — Сношеница старинна тоже (Ив. М.). Я не зна, старинны дак хто (Ив. М.). Тевр.

СТЕБЕЛЬ, м. Ствол дерева. Зна м.

СТЕМНЯТЬСЯ. Потемнеть. Зна м.

СТРЕЛЬНУТЬ. Выстрелить. — В утку стрельнул, в глаз попал. (Ив. М.). Тевр.

СТУЛЬЯ, мн. Брусья в основании дома. — Лежки, стулья по углам ставят (Ив. М.). Тевр.

СУДНА, ж. Судно. — Поис (т) на судну столкуют, другой паровик ташшит (Ив. М.). Тевр.

СУМЕТ, м. То же, что набой. Зна м.

СУСЕДКА, ж. Соседка. — Приходят, спрашивашь: «Доволен, соседка? » (Ив. М.). Тевр.

СУТУНОК, м. Срубленное, предназначенное для дальнейшей обработки дерево. — Сутунок — срубленное дерево тоже (Н.-Яг.). Зна м.

СШЕВЕЛИТЬ. Вывихнуть. — Руку, видно, сшевелил (Ив. М.). Тевр.

ТАЛОК, м. Тальник. — Гли себя ягодок из талка принесу (Ив. М.). Тевр

ТЕРКА, ж. Приспособление для отделения ореха от шишки. — Терка, валец (Ив. М.). Терка, по ней шоркают (Н.-Яг.). Зна м. Тавр.

ТОВДА. Тогда. — Товда поис (т) на судну столкуют (Ив. М.). Не знаю, почему товда возили (Ив. М.). Тевр.

ТОРГУЛИЩЕ, ср. Место продажи леса и вязки плотов на берегу реки. — Торгулишиши были товда всяки (Ив. М.). Тевр.

ТРУДЛИВЫЙ. Трудолюбивый. — Она трудлива была (Ив. М.). Тевр.

ТЯГОВАЯ веревка. Основная веревка невода. — Тягова веревка называют (Ив. М.). Тевр.

УБРАТЬСЯ. Исчезнуть, деться. — Где-то курица с цыпущками опять убралась (Ив. М.). Убралась поди моя курочка (Ив. М.). Тевр.

УПЕЧЬ, ж. Угол перед печью на кухне. — Упечь — передний угол (Ив. М.). Тевр.

УЧИТЕЛКА, ж. Учительница. Зна м.

ХАРЧИТЬ. Кашлять, болеть насморком. Зна м.

ХМУРЫЙ. Пасмурный. Зна м.

ХОДИТЬ на плотях. Сопровождать плоты. — Ходить на плотях — плотят и едут (Н.-Яг.). Зна м.

ХРЕСТИТЬСЯ. Креститься. — Сейчас хрестятся? Нет уж топерь этого (Ив. М.). Тевр.

ЦЫПУШКИ, мн. Цыплята. — Где-то курица с цыпушками опять (Ив. М.). Тевр.

ЧЕЛУГА, ж. Мелкая щука. — Челуга, чабак, налимина в Иртыше (Ив. М.). Тевр.

ШАРЫМ, м. Весенний снег, покрытый ледяной коркой, наст. Зна м.

ШЕСТЕРИК, м. Крестовый дом с пристройкой. Зна м.

ШИТУХА, ж. Лодка, сбита из досок. — Шитухи. Оне с тесу избиты. (Ив. М.). Долблены были лодки. Шитухи были хороши (Ив. М.). Тевр

ШКУРИТЬ. Снимать корку с бревна. Зна м.

ЯМШИНА, ж. Ямской обоз. — Свекор гонял гоньбу, ямшину делали (Н.-Яг.). Зна м.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Знам. — Знаменский район Омской области.

Ив. М.-с. — Иванов Мыс Тевризского района Омской области.

нар. — наречие.

Н.-Яг. — с. Ново-Ягодное Знаменского района Омской области.

Тевр. — Тевризский район Омской области.

Уменьш. — уменьшительное.

Уменьшит.-ласкат. — уменьшительно-ласкательное.

Устар. — устаревшее.

Экспр. — экспрессивное.

В. В. ПАЛАГИНА

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ТОМСКОГО ГОВОРА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.)

Созданию сводного исторического диалектного словаря русского языка должно предшествовать написание региональных исторических словарей. Использование в качестве лексико-графического источника местных документов, особенно рукописных, позволит с большей полнотой представить состав локально ограниченной лексики различных периодов истории русского языка, установить лексические изоголоссы и их изменения.

В настоящей статье приводятся некоторые слова из томских деловых документов первой половины XVII в. Критерием отбора лексики явилась фиксированность ее в диалектных словарях XIX—XX вв. (в словарях литературного языка эти слова или отсутствуют или сопровождаются пометой о принадлежности диалектному языку).

АЗЯМ — разновидность верхней одежды. — Торговому человеку¹ Степанку Горохову... за азам белой суконной 30 алтын дано, а тот азам дан государева жалования калмаку (Р, 229 об.)²

БЕЗОТСТУПНО — неотступно, стойко. — Велели... говорить князьку Абаку, чтоб он, Абак, был под твоею государевою высокою рукою безотступно (Отп. 1621 г., М-2,263).

БОРОДА — подбородок. — Того ж дни купил жилец Ивашка Гордыдов... малова Мурмятка, волосом черн, шелудив, очи черны, борода розсечена ножем (Т-2,19 об.).

БРАТИНА — чаша. — Маяя в 2 день бухаретину Алмаметку за шесть братин деревянных красных по десяти денег за братину, итого десять алтын дано (Р, 210 об.). Братина оловянная — полтина (Т-1,4).

ВАРЕГИ — вязаные рукавицы. — Дватцатеры рукавицы варегы (Т-2,78 об.).

ВЕНЕЦ — ряд бревен в срубе. — Генваря в 25 день жилецким людем Васке Кондинскому на Трофимку Федорову за струб двенадцать венцов рубль 26 алтын 4 денги дано (Р, 206).

ВЕРХНИЦЫ — кожаные рукавицы, надеваемые поверх вязаных. — 60 дружек рукавиц верхниц телятиных — семь рублей шесть алтын четыре денги (Т-1,13).

¹) По техническим причинам буквы, отсутствующие в современном русском алфавите, заменяются: ять — буквой е, омега — буквой о, десятиричное и — буквой и, буква кси — сочетанием кс, кс малый — буквой я. Ударение в примерах и в заглавном слове не ставится, так как томские рукописи первой половины XVII в. не акцентуированы.

²) В скобках указывается сокращенное название источника (см.: Список условных сокращений в конце статьи), лист рукописи или страница публикации.

ВЕРШОК — матерчатый верх меховой шапки. — А то сукно изрезано на шапочные вершки (Р, 199 об.).

ВЕТЧАНЫЙ (ВЕТЧАНОЙ) — ветхий. — Отпущен торговой Юшко Туркин в Енисейский острог..., а с ним пошло руссково товару... шесть вершков ветчаных настрафилных... (Т-2,42 об.). Ноября в 16 день томском у юртовскому татарину Ишкаре за котел ветчаной меденой весом полсеми гривенки рубль дано (Р, 203 об. — 204).

ВНОВО — вновь. — Сыскали в Томском городе вново в оброк из гулящих людей (ЦГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 472).

ВСПОЛОХ — тревога. — Да над ворота де надобеть для всполохов по колоколу вестовому (Отп. 1630 г., М-1,372).

ВСПОЛОШНЫЙ — тревожный. — Сполошное время (там же).

ВСЯКИЙ-РОЗНЫЙ — разнообразный. — А на кабаках питья всякие розные (Пт., 291).

ВЫНЯТЬ, прич. **ВЫНЯТ** — вынуть, вынут. — А овса в розходе из того числа, что вынято из государевых житниц 23 чети (Св. 1935 г.). Вынято из ящика с пив и с браг явки шеснацать алтын (П, 53 об.).

ВЫСИДЕТЬ, прич. **ВЫСИЖЕН** — добыть перегонкой, добыт перегонкой. — И что горячего вина из скольких варь высежено в Томском (Св. 1634 г.).

ГОЛИЦЫ — кожаные рукавицы. — Тридцатеро рукавиц голиц три рубли (Т-1,3).

ГОРБУША — короткая коса с серпообразным лезвием. — Сто пятьдесят семь кос горбуш восемнатцать рублей (Т-1,2 об.). Куплено 22 косы горбуши (Св. 1634 г.).

ДЕЛЬ — сетчатая ткань для невода. — ... да с ним же отпущено... товару: двадцать сажень делей неводных (Т-2,47).

ДОСТАЛЬНОЙ — остальной. — Да мая в 15 день у Якушка достальные девятнатцать рублей сем денег взято (П, 4 об.).

ДОЩАНИК — речное грузовое судно. — Большою прибыльною водою дощаник с хлебом от берегу отбило и затерло лдомъ (Св. 1634 г.).

ДРАНИЦА — жердь для крыши. — Служивому человеку Ивашку Тетеркину за сорок драниц три алтына дано. Взяты драницы на государев на солодовой овин на кровлю (Р, 205 об.).

ДРОБОИНА — гуща от варки пива. — По росписи ис хлебного стола от варенья государевых пив за продажные дробоины и от винного куренья за барду во 139-м году было в приходе двадцать два алтына две денги (П, 111).

ДРУЖКА и **ДРУЖОК** — парные предметы. — Сорок дружек рукавиц варег вязоных (Т-1,13). 30 дружков камня сережного литяков — десять алтын (Т-1,8).

ДУРНО — зло, дурное дело. — Многие от них дурна и побои на служивых людей бывает по вся годы (Отп. 1621 г., М-1,263).

ЕЗ — рыбозаградительное сооружение. — Того ж дни взято с гулящих людей с Мартемьянка Панкратьева да с Тимошки Авдеева с езу ж с рыбы с продажи с пятнадцати рублей взято 15 алтын (Т-2,76).

ЕЗД — езда. — До рубежа езду конем два дни (Пт., 290). 6 день езду (Пт., 287).

ЖЕЛЕЗЦЕ — резец, лезвие. — Тридцать железец чюкрейных (Т-1,18 об.). Семь железец сверловых (Т-1,17).

ЖЕСТОЧЬ — жестокость. — И Кузнецких волостей людей... призывать ласкою, а не жесточью (Отп. 1618 г., М-1, 452).

ЖИВОТ — имущество. — А живота, гсдрь, моего грабежом взяли: санапал с ледунками и з зельем, да зипун лазревой настрафилной новой, да рубаху полотняную... (Челоб. 1616 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 42, л. 55 об.).

ЖИТЬ — бывать, иметься. — А зимою живут снеги великие (Отп. 1609 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 10).

✓ ЗАПАС — продукты питания, взятые в дорогу. Июля в 18 день отпущены из Томского города промышленные люди в Енисейский острог..., а с ними отпущено запасу 30 чети муки, две чети круп и толокна, шесть пуд жиру рыба... (Т-2,42).

ЗИПУН — верхняя одежда типа кафтана. — Три зипуна сермяжных (Т-1,1 об.). Восемь зипунов лятчиных плохих (Т-1,7 об.). Три зипуна аглинских (Т-1,12 об.). Четыре зипуна полуаглинских (Т-1,14). Зипун настрафилной (Т-1,18 об.).

ЗЫБЕЛЬ — топкое место, трясина. — И воевать, государь, осенью и зимою кузнецких людей невозможно, что живут, государь, в крепостях великих и болота обошли и зыбели великие и ржавцы (Отп. 1609 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 10).

ИЗБЫТЬ — лишиться. — И имали в долг платье и обувь и харчь, и головы свои позакабалили и животишков своих избыли, и в долгу, государь, погибли до конца (Челоб. 1617 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 53, л. 68).

ИМАТЬ — брать. — Целовальнику Бориску Тупылеву за нити и за светилна, что он имал в съезжую избу, пять алтын две денги дано (Р, 206). За государеву за десятую рыбу, что емлют со всяких людей... (П, 105).

ИСПОДКИ — рукавицы, надеваемые под другие рукавицы. — Двадцатеры исподки вязоные (Т-1,16 об.). Двадцать девятеры исподки рукавиц вязоных (Т-1,10 об.).

КАДЬ — кадка. — За полуосьминную кадь два алтына дано (Р. 206 об.).

КАЛИГИ — башмаки. — Двадцатеры калиги — сорок алтын (Т-1,14).

КАМЕНИЦА — печь в бане. — Перекладывал в торговой бане каменицу (Р, 205).

КАМЕНЬ — утес, скала. — Итти шилью промеж камени (Пт., 287).

КОТЫ — разновидность обуви. — Восемьеры коты — рубль двадцать алтын (Т-1,4 об.). Пятнадцать обуви котов дубленых (Т-2,77 об.).

КРЫЛАТЫЙ — с черными полосами на плечах (о масти лошади). — А выменил у Андрюшы лошадь коуру крылату, грива направо (Т-2,16).

КУДЫ — куда. — А куды те воеводы поедут, и перед ними бежат батожников з дватцать (Пт., 292).

ЛАГУН — боченок. — Генваря в 18 день гулящему человеку Гришке Иванову за лагун четыре алтына две денги дано. Взят лагун в торговую баню под квас (Р, 206). Взят лагун на вино, которое послано в Нарымский острог (Р, 215 об.).

ЛЕШИЙ — лесной. — ... продано из государевы казны торговому человеку Степанку Горохову три пупка да три хвоста собольих, которые пупки и хвосты взяты с промышленных людей государевы десяти пошщины с лешево их промыслу (П, 140 об.).

ЛЕШНЯ — охота. — И бьют челом государю кузнецкие люди, чтоб их государь пожаловал, своево государева ясаку с них брать... не велел, потому что де у них нынешнего году лешне нет (Отп. 1618 г., М-1,452).

ЛИСИНА — белое пятно на голове лошади. — Того ж дни купил Микула Павлов лошадь коуру, лисина во лбе, грива направо (Т-2,17 об.).

ЛОШАДИНА — конина. — Лошадину с голоду ели. (Челоб. 1616, ААН, ф. 21, оп. 4, № 46, л. 60 об.).

МЕДВЕДНО — медвежья шкура. — Того ж дни продал Афонка Новокрещен два медведна, взял рубль дватцать три алтына две денги (Т-2,37).

НАДОБЕТЬ — надо. — Да над ворота де надобеть... по колоколу вестовому (Отп. 1630 г., М-1,372).

НАЙМОВАТЬ — нанимать. — А наймует, государь, против твоих государевых запасов в Тоболеск рубли по 4 и по 5 (Челоб. 1616 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 46, л. 61 об.).

НАЧАЯТЬСЯ — надеяться. — И впредь, государь, начаются приходу великово базару с лошадми (отп. 1609 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 9, л. 15 об.).

НИКУДЫ — никуда. — Ясаку тебе, государю, не платят никуды (отп. 1609 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 17).

НУЖА — нужда. — Голод и нужу многую терпел (Челоб, 1645 г., М-1,504).

НЫНЕЧИ — теперь, сейчас, нынче. — И тебе, государю, нынечи кузнецкие люди служат (Челоб. 1617 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 42, л. 55 об)

ОБУВЬ — пара обуви. — Шесть обуви сапогов сафьяных ..., двенатцать обуви сапошков маленьких (Т-1,2).

ОПОЕК — телячья кожа. — Две кожи красных маленьких опоек дватцать алтын (Т-1,17).

ОПРИЧЬ — кроме. — Да в Томском тое соли Тобольской присылки ... 978 пуд с полупудом соли оприч кузнецкой (Св. 1635 г.). У кого сколко сверх всякого севу переложные земли оприч дикие земли (1637 г. ЦГАДА, ф. 214, ед. хр. 70, л. 578 об.).

ОРАЛЬНИК — сошник. — Служивому человеку Федьке Титову за трои оральники по дватцать алтын за оральник дано, а те оральники отданы новоприсыльным пашенным крестьяном (Р, 214 об.).

ОРАТЬ — пахать. — А орют плугом, сохи так же, что у тобольских тотар, а бороны уски, а долги (Пт., 289).

ОТМЕТ — часть лошадиной гривы, перекинутой на другую сторону шеи. — Купил кобылу карю, грива направо с отметом (Т-2,12).

ПОГИНУТЬ — умереть, погибнуть. — Чтоб нам, холопом твоим, без твоего царского жалованья на правеже в долгу в конец не погинуть (Челоб. 1617 г., М-1,452).

ПОГОДА — буря, ветер. — На дороге, не дошед до Сургута, на реке на Оби... дощаник с хлебом розбило погодою (Св. 1634 г.).

ПОДВОЛОКА — потолок? — А подволоки в ызбах и у полат всякими красками выкрашены (Пт., 293). А подволока у полат выписано травами красками разными (Пт., 288).

ПОЗДО — поздно. — Пошли ис Томскова города поздо (Челоб. 1617 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 53, л. 68).

ПОКРУЧАТЬ — нанимать для торговли хозяйскими товарами. — Того ж дни отпущены ис Томсково города промышленные Савка Онисимов, Мишка Юрьев, Митрофанко Яковлев... в Енисейской острог. А покручали их торговые Юшка Туркин да Мишка Жужгин (Т-2,40).

ПОКРУЧЕНИК — работник, отправленный продавать хозяйские товары. — Юшка Глазун, Шыпица Иванов, Петрушка Никитин — торговово Петра Лалетина покрученики (Т-2,42).

ПОЛДЕНЬ — юг. — Рубежная сторона пошла пот полдень (Пт., 290).

ПОЛОТЬ — часть мясной туши, разрубленной вдоль. — Тото ж дни продал служивой Дементей Орлик полоть мяса. Взял рубль (Т-1,42).

ПОЛТЕВОЙ — прилагат. от **ПОЛОТЬ**. — Маия в 13 день пошлины взято с Остафья Харламова с полтевово мяса четыре денги (Т-1,52 об.).

ПОЛУДНИ — то же, что **ПОЛДЕНЬ**. — В то же озеро 4 реки впади: река со встука, река с полуден, река с западу, река с сивера (Пт., 287).

ПОРШНИ — разновидность обуви. — Девятеры поршни дубленые — тридцать алтын (Т-1,16).

ПОСЕРЕДЬ — посередине. — А посередь стен стоят башни велики и высоки (Пт., 293).

ПОЧАТЬ — начать. — Почали часто з базаром, с лошадыми и с коровами приходить в Томской город (Опт. 1609 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 9, л. 15 об.).

ПРОЛУБНОЙ — относящийся к проруби. — В прошлом во 139-м году на Томи на реке и на Ушайке пролубной откуп был за пашенным крестьянином за Ивашком за Ондреевым; откупу было три рубли (П, 99).

РЕТЕШНЫЙ — речечный. — Фунт семени росадного и ретешново — двадцать алтын (Т-1,14 об.).

РЖАВЕЦ — топкое место с водой ржавого цвета. — ... и болота обошли и зыбели великие и ржавцы (Опт. 1609 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 10).

РОСОМАКА — росомаха. — Февраля в 25 день продал гулящей Якунка Сарафанов росомаку (Т-2,43 об.). 5 розсомакъ, 73 пупка соболих (Св. 1636 г.).

САКМА — колея или лошадиный след. — Доехали до сакмы, куда бежал государев изменник, а по сакме сметили, что он перед ними проехал за три дни (Опт. 1634 г., М-2,417).

СВЕРШОНКА — добавка к жалованью. — ... велено было в пятидесятниках из десятников Сергушке Звереву. А государева ему жалованья оклад 5 рублей с четью. И сентября в 5 день Сергушке свершонка полтина дано (Р, 135).

СИДЕТЬ — получать перегонкой. — Пашенному крестьянину Гаврилку Прокофьеву 16 алтын 4 денги дано за то, что он сидел государевых четыре вина (Р, 212 об.).

СИЛЬНЕЕ — больше. — А людей в том городе тех городов сильние (Пт., 292). А в том городе торги тово сильние (Пт., 292).

СКАЛА — березовая кора, лубок. — Августа в 31 день таможенные избы дьяку Нехорошку Левонтьеву за скалы пять алтын дано. Взяты скалы покрывать суды (Р, 231—231 об.).

СКРОЗЬ — сквозь. — Скрозь ту стену (Пт., 290).

СТАВЕЦ — деревянная чашка, миска. — Девяносто ставцов красных — пять рублей тринадцать алтын (Т-1,14).

СТРУБ — сруб. — Взят струб на башни в подгорной острог (Р, 206 об.).

СТЯГ — мясная туша. — Продал служивой Никитка Кинозер стяг говяжьбя мяса (Т-2,33).

ТАСМА — ремень. — Сорок аршин тасем шелковых (Т-2,46 об.).

ТЕЛИЦА — телка. — Продал Шышыга Ведерник оброчной телицу Федке Остафьеву не на убой (Т-2,50 об.).

ТУТО — тут. — Челобитная ... из Кузнецкого острогу ..., туто ж роспросные речи з Дружины Огарева (Св. 1935 г.).

ТУЮС — берестяной короб. — Июля в 14 день сторожу Митке Степанову за туюс десять денег дано. Взят туюс на государев потреб (Р, 223 об.).

УЗОЛ — узел. — Узол игол пять алтын (Т-1,4).

ЧАЛБЫШ — молодой осетр. — За осетрик за чалбыш шесть алтын четыре денги дано ... Взята рыба ясачным людем на корм (Р, 221).

ЧЕРЕНЬ — рукоятка. — Двадцать пять ножей чюкриев с черенем — полтора рубли (Т-1,17).

ШЛЯХ — дорога. — После побою ходили шляхом их, и от побойного места верстех в 10 и в 20-ти и больши находят многих людей мертвых ... (Отп. 1629 г., М-2,361).

ШНЯКА — лодка. — Ходят де под Китай в малых судех, в шняках, с товары (Пт., 294).

ЯЛАНЬ — ровное безлесное незаболоченное место. — Приходили государевы изменники ... и твой государев хлеб и казачей на ялане выжгли и вытоптали (Челоб. 1616 г., ААН, ф. 21, оп. 4, № 46, л. 60).

ЯРИЦА — яровая рожь. — 16 чети ржи, 13 чети овса, 4 чети пшеницы, 2 чети ярицы (ЦГАДА, ф. 214, ед. хр. 70, л. 579). А в приходных книгах 142-го году написано в остатке ... 55 чети с четвериком ржи, и ярицы, и пшеницы (Св. 1636 г.).

ЯЧНЫЙ — ячменный. — Десять чети муки яшные (Т-1,46).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР.
 М—1 — Приложения к книге Г. Ф. Миллера «История Сибири», т. 1, М.—Л., 1937.
 М—2 — Приложения к книге Г. Ф. Миллера «История Сибири», т. 2, М.—Л., 1940.
 Отп. — Отписка воеводы г. Томска.
 П — Приходная книга г. Томска 1631—1632 гг., хранящаяся в отделе рукописей научной библиотеки Томского государственного университета.
 Пт. — Статейный список Ивана Петлина 1618 г., опубликованный Ф. И. Покровским. Известия ОРЯС, т. 18, кн. 4, СПб., 1914 г.
 Р — Расходная книга г. Томска 1630—1631 гг., хранящаяся в отделе рукописей научной библиотеки Томского государственного университета.
 Св. — Томские свитки XVII в., хранящиеся в Томском областном государственном архиве.
 Т—1 — Таможенные книги г. Томска 1624—1625 г., хранящиеся в отделе рукописей научной библиотеки Томского государственного университета.
 Т—2 — Таможенные книги г. Томска 1627 г., хранящиеся в отделе рукописей научной библиотеки Томского государственного университета.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
 Челоб. — Челобитные томского населения первой половины XVII в.

О. И. БЛИНОВА, В. В. ПАЛАГИНА, А. И. ФЕДОРОВ

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ СИБИРИ

Словарь русских говоров Сибири задуман как словарь региональный дифференцированного типа. Это значит, что в него войдет только диалектная лексика и фразеология.

Словарь русских говоров Сибири будет необходимым источником сведений о диалектной сибирской лексике для диалектолога и историка языка, для школьного учителя, которому важно научить детей правильно пользоваться русским литературным языком. Будучи хранителем информации о предметах материальной и духовной культуры сибиряков, о явлениях сибирской природы, словарь послужит справочным пособием этнографам, историкам и писателям.

§ 1. Источники словаря

Основной источник для Словаря — лексика и фразеология живой разговорной речи носителей русских старожильческих говоров Сибири.

Русские говоры Сибири — это говоры вторичного образования, говоры территории позднего заселения. Свою историю они исчисляют разными временными величинами: начало сложения одних относится к XVI—XVII вв., других — к XVIII—XIX вв., третьих — к XX в. Своеобразие условий формирования сибирских говоров (смешанный, разнодиалектный состав населения, оторванность от «материнских» русско-европейских говоров, взаимодействие с языками аборигенов сибирского края и др.) не могло не породить своеобразия самих говоров. Разновременность их появления на территории Сибири, различие в диалектной основе не могло не повлиять на создание различных по типу говоров.

На диалектологической карте Сибири представлены говоры северные, южные и среднерусские. Это говоры, как правило, позднейших переселенцев в Сибирь, говоры, не утратившие тех языковых характеристик, которые были им присущи на европейском континенте. Такие говоры были предметом специального рассмотрения в работах А. М. Селищева,¹ П. Г. Черемисина², М. Г. Свиридовой³, Н. И. Агеевой⁴ и других диалектологов.

¹) А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.

²) П. Г. Черемисин. Современные русские говоры по нижнему течению р. Ян (Томская область) и их история. М., 1949 (неопубликованная кандидатская диссертация).

³) М. Г. Свиридова. Орловские говоры на территории Кыштовского района Новосибирской области. Томск, 1953 (неопубликованная кандидатская диссертация).

⁴) Н. И. Агеева. Из наблюдений над языком населения Зырянского района Томской области. Ученые записки Томского пединститута, т. 3, 1951.

Представителями «исконных» сибирских диалектов являются не эти говоры, а так называемые старожильческие говоры Сибири, которые, составляя основную часть сибирского диалектного массива, сформировались на основе речи первых землепроходцев и их потомков (XVI—первая половина XVII вв.) и которые существенно отличаются от «материнских» русско-европейских говоров в области фонетики, морфологии, лексики и фразеологии. Не случайно ни одному из диалектологов, проводивших сопоставление отдельных старожильческих говоров Сибири с говорами русско-европейскими в поисках диалектной основы, не удалось установить полной аналогии сопоставляемых диалектов⁵⁾.

Нет необходимости доказывать, что наибольший лексикографический интерес представляет лексика и фразеология именно старожильческих говоров Сибири, своеобразная и малоизученная. Диалектные слова и выражения нестарожильческих говоров Сибири лучше изучены и лексикографически обработаны собирателями известных словарей русско-европейских говоров. Достаточно полно эта лексика вошла и войдет в издающийся «Словарь русских народных говоров», составлением которого занимается словарная группа Института русского языка АН СССР под руководством Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова.

Поэтому для Словаря говоров Сибири нужно собирать прежде всего лексику и фразеологию русских старожильческих говоров. Под старожильческим сибирским говором следует понимать такой говор Сибири, который характеризуется совокупностью фонетико-грамматических и лексико-фразеологических черт, выявленных на основе изучения речи потомков стародавнего населения Сибири (XVI—первая половина XVIII вв.). К таким чертам в области фонетики относятся: 1) Г взрывной; 2) В губно-губной; 3) наличие фонемы (Ф); 4) долгие твердые шипящие ШШ, ЖЖ; 5) различие аффрикат Ц и Ч; 6) упрощение конечного сочетания согласных СТ (С'Т'), ЗД (З'Д'); 7) отсутствие перехода ударного Е (из Ъ) в И, кроме случаев лексикализации ИСТЬ в значении 'принимать пищу' и СИБЕР — 'резкий, холодный ветер'; 8) сохранение ударного А между мягкими согласными (исключение составляет лексикализация этого явления в словах ОПЕТЬ, МЕЧИК, ГОВОРЕТЬ и многих других); 9) отсутствие количественной редукции О и А во втором предударном слоге после твердого согласного и некоторые другие; в области морфологии: 1) твердость конечного Т в глагольных формах 3-го лица настоящего — будущего времени; 2) форма личных и возвратного местоимений в родительном и винительном падежах на А (меня, тебя, себя); 3) окончание прилагательных и неличных местоимений мужского и среднего рода единственного числа на -ОВО, -ЕВО (сухово, моёво, синево), в предложном падеже единственного числа на -ИМ, -ЫМ (на другом, в красным); 4) флексия Е у существительных женского рода первого и третьего склонений в дательном и предложном падежах (на горе, к воде, к пече, в грязе); 5) местоимение ЧЕ и др. в области синтаксиса: 1) ОДНАКО в роли вводного слова 'наверное', 'кажется', 'по-видимому'; 2) употребление постпозитивных частиц; 3) согласование по смыслу (народ работают); в области лексики и фразеологии: ЛИТОВКА — коса, орудие кошения, КВАШНЯ — деревянная кадка для теста, ЛОПОТЬ — одежда, БАСКОЙ — красивый, хороший, ЛОНИСЬ — в прошлом году,

⁵⁾ См. исследования В. И. Даля, А. М. Селищева, П. Я. Черных, Г. В. Тропина, Н. А. Цомакион, В. В. Палагиной, В. А. Сенкевича, Р. Т. Гриб, Е. П. Молчановой, А. И. Ивановой и мн. другие.

БОРОНИТЬ — обрабатывать землю бороной, **ОБОЛОКАТЬ** — одевать, **ЯЗВИ ТЕБЯ** — восклицание, выражающее досаду и многие другие⁶⁾.

В Словарь войдёт диалектная лексика современных региональных сибирских словарей, созданных или создаваемых сотрудниками кафедр русского языка Томского, Новосибирского, Иркутского университетов, Иркутского, Красноярского, Томского, Енисейского, Кемеровского, Новокузнецкого и др. пединститутов.

Для установления исторической перспективы в развитии лексики русских старожильческих говоров Сибири в Словарь будут включены диалектные слова и выражения, извлеченные из опубликованных словарей и словариков сибирских говоров XIX—начала XXвв., слова, помещенные в словаре В. И. Даля, в «Опыте областного великорусского словаря» (1852 г.) и в «Дополнениях к Опыту областного словаря» (1858 г.) с пометой о сибирском ареале (сиб., тоб., том., ирк., енис.).

В Словарь войдут местные сибирские слова из рукописных источников: архивных документов XIX в., хранящихся в городах Сибири, словарных материалов из архива Всесоюзного географического общества, архива АН СССР, архива рукописного отдела Словарного сектора института русского языка АН СССР.

Все лексикографически обработанные материалы, опубликованные и рукописные, составят второй источник Словаря.

Третий источник — диалектные слова в изданиях, посвященных описанию жизни и быта, экономики и культуры крестьянства Сибири. Это историческая, экономическая, этнографическая литература, «Сибирская советская энциклопедия», тт. 1—3, изданная в 1929—1932 гг.

Четвертый источник Словаря — фольклорный материал. Это опубликованные и неопубликованные записи песен, былин, частушек, сказок и других жанров устного народного творчества.

§ 2. Составление картотеки для словаря

Составление картотеки — один из важных этапов работы над словарем. От ее точности и полноты во многом зависит качество словарных статей.

Основным источником картотеки являются записи речи носителей говоров. Из них выписываются слова, отсутствующие в литературном языке, отличающиеся от литературных слов корнями (**ПОНЬДЖА** — болото, **КУЛАЙКА** — лоскуток, **САИП** — сеть, **ШВОРКАТЬСЯ** — тереться, **БАСКО** — красиво, **ЧИНБУР** — кнутовище, **ЗАБЫГАТЬ** — просохнуть, **КАЛБА** — дикий чеснок); семантикой (**КУМУШКА** — малярия, **ЩЕТКА** — кочковатое место, поросшее травой, **КУТАТЬ** — закрывать трубу печи, **ЗАПАДНЯ** — ход в подполье, **ОШЕЙНИК** — воротник, **ОБРАТНО** — опять, **ОБОЛОЧКА** — одежда, **НАЛАДИТЬ** — приготовить пищу); ударением (**ВЕРБА** — верба **СПЕРВА** — сперва, **ЗАНАВЕСКА** — занавёска, **ПАРА** — páра, **САНОЧКИ** — сáночки, **НУЖОН** — нужен); лексикализованными фонетическими особенностями (типа **ГУМАГА** при отсутствии в говоре фонетической закономерности перехода Б в Г, **ОПЕТЬ** — при отсутствии закономерного перехода ударного А в Е между мягкими согласны-

⁶⁾ Более подробный набор языковых характеристик станет возможен после изучения всех старожильческих говоров Сибири.

ми, СВЕТОК — при последовательном произношении аффрикаты Ц, КАБЛЫК — каблук, МОЛОНИЯ — молния, ОБИЖДАТЬСЯ — обижаться, ОБЧЕСТВО — общество, ОГРОМАДНЫЙ — громадный); а ф-фиксами (ЧИСТОВИНА — полянка, СТИРАТЕЛЬНЫЙ — стиральный, ЗАВЕСЕЛИТЬ — развеселить, МУЗЫКАНЩИК — музыкант, МЕДВЕЖИХА — медведица, НАВАДИТЬСЯ — повадиться), грамматическими особенностями и исходной формы (категорией рода, отсутствием или употреблением возвратной частицы, переходностью — непереходностью, управлением и т. п.): КЕДРО, КЕДРА — кедр, ВРЕДА — вред, ЗАРАБОТКА — заработок, ИНЕЯ — иней, БЕРЛОГ — берлога, ЛЕЖАТЬСЯ — лежать, ВИСЕТЬСЯ — висеть, ИЗМЕНИТЬ кого, а не кому, ОТКАЗАТЬ кого, ЛИШИТЬСЯ чем и т. п.

Выписываются также фразеологические сочетания, единства и сравнения, которые составитель картотеки считает нелитературными.

Расписывая материалы на карточки, необходимо помнить, что лучше выписать несколько лишних литературных слов, чем пропустить одно диалектное. Литературные слова при дальнейшей проверке по словарям могут быть отброшены и словарные статьи на них составляться не будут, а невыписанное диалектное слово (его фонетический, лексико-семантический или любой иной вариант) восстановить невозможно, оно останется за рамками Словаря.

Картотека оформляется на карточках стандартного формата, принятых в библиографических отделах библиотек. Размер карточек 8 см. на 13 см.

В верхнем правом углу карточки орфографически записывается исходная форма слова. Если у составителя при реконструкции орфографического облика слова возникают сомнения, он может дать предполагаемые разновидности и составить дополнительные ссылочные карточки. Например: БАДОГ (БОДОГ) — в заголовке основной карточки, БОДОГ см. БАДОГ — на ссылочной.

Желательно уже при составлении картотеки приводить некоторые грамматические данные (например, указывать род существительных, флексию родительного падежа, вид глагола, переходность, непереходность, особенности управления и т. п.).

Далее с новой строчки записывается краткое толкование значения слова. Когда картотека составляется на месте сбора материала, все сомнения в определении значений слов решаются путем дополнительного сбора материала. Если же картотека создается в городе и из контекста значение слова не выясняется, в карточке ставится вопрос или с вопросом дается предположительное объяснение значения. Например, ДЕКОВАТЬ, несов. Удивляться (?). — Ждешь ты и *дэкуешь*, столбешь: жив ли? (Томская обл., Парабельский р-н, д. Чигара). КАИМАС, у.м. ? Чернотальник — это вот край каймасу родится, с его мед берут пчелы (Томская обл., Молчановский р-н, д. Майкова). В процессе дальнейшего накопления словарного материала в картотеке могут оказаться карточки с контекстом, раскрывающим ранее не выясненные значения.

В центре карточки записывается пример употребления слова в диалектной речи. Примеры, взятые с магнитофонной записи, приводятся только в транскрипции, примеры из рукописных текстов — в том виде, в каком они сделаны собирателем (в транскрипции, полутранскрипции, орфографии).

Примеры из бумаг правлений колхозов или сельсоветов, а также из тетрадей учащихся сельских школ записываются на словарной карточке с сохранением орфографии источника и сопровождаются краткой

справкой о его характере (из протокола собрания, из заявления, из бумаг сельсовета, из тетради уч. V кл. и т. п.).

После каждого примера в скобках обязательно фиксируется место его записи, область или край, район, населенный пункт⁷⁾, указывается инвентарный номер и страница тетради, из которой пример выписан.

В нижнем левом углу карточки помещается фамилия и инициалы собирателя, в нижнем правом — год сбора диалектологического материала.

Образцы оформления карточек:

ЗАБОСТИ, кого — что, сов. Забодать	
Заболá кого-то наша корова (Кем. Лен.-Куз. Арин. № 8—13)	
А. С. Алферова ⁸⁾	1961 г.

ЗОБНЯ, и, ж.	
Мешок, из которого кормят лошадей Зобню лошади на шею надеют, овёс в ей (Кем. Лен.- Куз. Арин. № 8—25)	
А. С. Алферова	1961 г.

ДИВНО, нар.	
Много	
В лесу было дивно цветов (из тетр. уч. IV кл.) (Том.Том.В.-С. № 120—16)	
В. Ф. Семенова	1950 г.

В словаре будет представлена диалектная фразеология. Фразеологизмы будут помещены в конце словарной статьи слова, которое входит в состав фразеологизма и занимает в нём синтаксически господствующее положение: БИТЬ ШИШКУ (на слово БИТЬ), ЛИСТОПАДНАЯ ЛИХОРАДКА (на слово ЛИХОРАДКА), ЛЮША ЛЮШЕЙ (на слово ЛЮША).

Если компоненты фразеологизма связаны между собой по способу сочинения, такой фразеологический оборот следует помещать в словарной статье на слово, которое в составе фразеологизма стоит на первом месте: ТЮХА ДА МАТЮХА ДА ТИМОФЕЙ С БРАТОМ (на слово ТЮХА).

Картотека по неопубликованным фольклорным материалам составляется так же, только после примера необходимо назвать жанр произведения устного народного творчества (песня, сказка, частушка и т. п.).

⁷⁾ Список условных сокращений географических названий прилагается к картотеке.

⁸⁾ Кемеровская область, Ленинск-Кузнецкий район Ариничево, инвентарный № 8, страница 13, запись сделана в 1961 г. А. С. Алферовой.

При составлении картотеки по опубликованным и архивным материалам (словарям, статьям по истории Сибири и этнографии) принимается список условных сокращений работ и на каждой карточке указывается автор, работа и страница, с которой выписано слово. Например⁹⁾:

ДОСПЕТЬ сделать, приготовить Селищев. Д. О., 264
--

§ 3. Отбор слов для словаря

Составлению словника предшествует проверка слов, внесенных в картотеку по пяти словарям литературного языка и двум диалектным. Результаты проверки выписываются на отдельную карточку, которая ставится в общую картотеку на своё алфавитное место. При этом принимаются следующие условные сокращения:

Уш.— Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, М., 1935—1940 гг.

Ож. — С. И. Ожегов. Словарь русского языка, М., 1961 г.

АН—1— Словарь русского литературного языка. АН СССР, тт. 1—17, 1950—1965 гг.

АН—2— Словарь русского языка. АН СССР, М. тт. 1—4. 1957—1961 гг.

Ф. С. — Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова, М., 1967 г.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1880—1882 гг.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852 г.

Доп.— Дополнения к Опыт областного словаря СПб., 1859 г.

Доп. — 2 — Еще дополнения к Опыт областного словаря, СПб., 1858 г.

В словник сибирского словаря войдут:

1) слова и фразеологизмы, отсутствующие в словарях литературного языка, но имеющиеся в диалектных словарях (ДЕКОВАТЬСЯ — смеяться, издеваться, ДИКОВАТЬ — шалить, удивляться, ЕЖА — пища и т. п.);

2) слова, отсутствующие и в словарях литературного языка, и в диалектных словарях (ДОЛИК — длина, ДЕТВА — дети и т. п.);

3) слова, имеющие в словарях литературного языка помету об областном употреблении, а в диалектных — о локальных ограничениях: ДЕРЕВИНА — ствол срубленного дерева. Уш. — обл., АН—2 — обл., АН—1 обл. и в прост. Даль: нвгр., прм. Опыт: Новг. (Тихвин), Перм. (Ирбит.);

4) слова, которые не все словари литературного языка относят к областным, но которые помещены в диалектные словари (ДЕЯТЬСЯ — делаться. Уш. — разг., фам., Ож. — прост., АН—1— в прост. и обл., АН—2— в прост. и обл., Опыт: Арханг. (Арханг. Холмогор.). ДУХОВИТЫЙ — душистый. Уш. — разг., обл., АН—1— прост., АН—2— в прост. и обл., Даль: тул., ворон., ряз.);

5) слова, имеющие в словарях литературного языка другое значение, грамматическое оформление, ударение, фонематическую структуру, со-

⁹⁾ А. М. Селищев. Д. О., 264—сокращенное условное название книги А. М. Селищева «Диалектологический очерк Сибири», вып. 1, Иркутск, 1921, стр. 264.

четаемость (ДРАЗНИТЬ — именовать, ДОУЧАТЬСЯ — доучиваться, ДОМАШНИЙ — домашний, ДУШНОЙ — душевный, ДУПЛЕ — дупло, ДЕЛАТЬ ТЕМНЕНЬЕ — темнеть, ДЕРЖАТЬ СТОРОНУ — изменять):

б) слова, имеющие в говорах отличия от литературных в стилистической окраске (ДЕВА — девушка. Уш. — книж., поэт., Ож. — стар., АН — 1 — устар., употребляется в поэтич. и стилизованной речи, АН — 2 — устар., поэт. В говорах это слово может быть стилистически нейтральным, употребляется в обыденной, повседневной речи).

В словниках не вводятся просторечья, не имеющие изоглоссы (АГА — да, АРТЕЛЬНЫЙ — общительный), а также собственные имена: антропонимы (типа ЕВДЕН — Евгений, ГЛАВДЕЯ — Клавдия, АНФИЗА — Анфиса) и топонимы (типа РОССЕЯ — Россия, ТОМСКА — Томск, САКАЛИНА — Сахалин).

Спорным является вопрос о внесении в словник слов западноевропейского происхождения, вошедших в сибирские говоры в XIX—XX вв. через посредство русского литературного языка и подвергшихся в них вторичной адаптации (типа ФЕРШАЛ — фельдшер, ЛЕСТРИЧЕСТВО — электричество. ДОХТУР — доктор, ПРОТУВАР — ПРОТУЯР — тротуар и т. п.). Все эти слова, как имеющие отличия от литературных, несомненно, окажутся в картотеке сибирского словаря, но не все должны включаться в словарь. Многие из них являются «мнимыми диалектизмами»¹⁰), не имеют изоглоссы, носят окказиональный или временный характер (например, ШТАТ — стаж, ТРАНБАЙ — трамвай, АФТИРЕЯ — дифтерия, АПЕНИЦИТ — аппендицит и т. п.¹¹). Такие слова не должны вводиться в словник сибирского диалектного словаря.

Останутся за его пределами и слова, отражающие только фонетические закономерные процессы, как и другие произносительные варианты слов (типа ИГУРЕЦ — огурец, УЛИСА — улица, ШТО — что, ШШУКА — шука и т. п.), они не могут помещаться в диалектный словарь. Это, например, слова с фонетически обусловленной вставкой интервокальных согласных (РАДИВО — радио, РАЙВОН — район, ПЕРИВОД — период, РАДИВУС — радиус и т. п.).

Слова с лексикализованными фонетическими особенностями при условии их достаточной частотности и длительности существования в говоре могут вводиться в словник. Например, противопоставленные по говорам и устойчиво сохраняющиеся фонетические варианты слов КВАРТИРА и КОЛХОЗ:

КВАРТЕРА (отмечено в двух районах Томской области);
 КВАТЕРА (отмечено в четырех районах Томской области);
 КВАТИРА (отмечено в двух районах Томской области);
 ФАТЕРА (отмечено в трех районах Томской области);
 ХОЛХОЗ (отмечено в семи районах Томской области);
 ХОЛЬХОЗ (отмечено в двух районах Томской области);
 КОЛЬХОЗ (отмечено в пяти районах Томской области).

На общих основаниях должны вводиться в словник заимствованные слова со словообразовательными и грамматическими особенностями, не являющиеся окказиональными образованиями. Например: БИЛЬЗИМИНКА — балзамин, НЕФТА — нефть, МЕТРА — метр, РЕСТАНЕЦ — арестант, КОНЦЕРВА — консервы и др.

¹⁰) Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров», АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 54.

¹¹) Все примеры так называемых «искажений» взяты из «Словаря некоторых иноязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби». Сб. «Вопросы языкознания и сибирской диалектологии», вып. 1, Ученые записки Томского государственного университета, № 57, 1966.

Бесспорно включение в словарь таких иноязычных слов вторичного заимствования, которые отличаются от литературных не только своим фонематическим составом, но и устойчиво закрепившейся семантикой: ГАЛУС и ГАЛУСТУС — часть сбури, БАНДЮРЧИК — отделка на платье, рюш и др.

§ 4. Написание словарных статей

Словарные статьи пишутся на каждое диалектное слово и фразеологизм, а также на фонематические, акцентологические и морфологические варианты слов¹²⁾.

Заглавное слово словарной статьи приводится в орфографическом написании с обязательным указанием ударения. В спорных и сомнительных случаях, при затруднении в определении этимологии слова пишется две (или более) словарные статьи: одна — основная, другая (другие) — ссылочные. Так, например, на слово КАЛАМУКА (поплавок) пишется основная статья, а на КОЛОМУКА, КОЛАМУКА, КАЛОМУКА — ссылочные, на слово АРАМ (навес для лошадей) — основная, а на ОРАМ — ссылочная ОРАМ, см. АРАМ.

Грамматические пометы в Словаре, охватывающем говоры обширных территорий, в силу невозможности отражения всех форм и грамматических категорий слова в каждом отдельном говоре, должны быть сведены до минимума.

У существительных указывается только родовая принадлежность: м. — мужской род, ж. — женский род, ср. — средний род, общ. — общий род (БАСА, ж. — красота; ДЕДАЙ, м. — дед; ДЕРНО, ср. — дерн; БАРАМА, общ. — неясно говорящий человек).

У прилагательных отмечаются окончания женского и среднего рода, а если есть материалы, — формы сравнительной степени: ДИВНЫЙ, ая, ое — длительный, БАСКОЙ, ая, ое, срав. степ. БАСЧЕ — красивый.

У глаголов фиксируется переходность (вопросами кого — что), переходность (отсутствием вопроса), безличность (пометой безлич.), вид (сов. или несов.), диалектные особенности управления (постановкой падежных вопросов и предлогов). Например: МУРКАТЬ, несов. — мурлыкать; МОТЫРНУТЬ, кого — что, сов. — тряхнуть, подбросить; МОРОЧАТЬ, безлич., несов. — становиться пасмурным; БЕДСТВОВАТЬСЯ, чем, несов. — испытывать нужду в чем-либо.

На возвратные и невозвратные формы глагола пишутся самостоятельные статьи: НАИМЫВАТЬ, кого, несов. — нанимать и НАИМЫВАТЬСЯ, несов. — наниматься; НАРУШИТЬ, что, сов. — разрушить и НАРУШИТЬСЯ, сов. — разрушиться. Одна словарная статья пишется лишь на морфологические варианты непереходных глаголов, лексическое и грамматическое значение которых частица-СЯ не меняет: ИЗВЕКОВАТЬ (СЯ), сов. — прожить жизнь; ОДЫБАТЬ (СЯ), сов. — выздороветь.

Для удобства пользования словарем на глаголы совершенного и несовершенного вида пишутся особые словарные статьи.

Формы причастий обычно приводятся при глаголах: ДОСПЕТЬ, что, сов., прич. ДОСПЕТ, а, о — сделать, приготовить;

¹²⁾ В процессе редакторской работы статьи на варианты образования могут быть сведены в одну статью.

ОБОЛОЧЬ, кого — что, сов., прич. ОБОЛОЧЁН, а, о — одеть, обернуть;
 ОБОЛВАНИТЬ, что, сов., прич. ОБОЛВАНЕН, а, о — обтесать.

Самостоятельная статья пишется только на причастие от не отмеченных в говоре глаголов: ОБНАРУЖЁННЫЙ, ая, ое — вооруженный (при неотмеченности в говоре глагола ОБНАРУЖИТЬ — вооружить); ОБЗАВЕРНУТЫЙ, ая, ое — завернутый (при неотмеченности в говоре глагола ОБЗАВЕРНУТЬ — завернуть).

Наречия, категория состояния, предлоги, частицы, союзы, междометия сопровождаются указанием на часть речи. При этом принимаются следующие условные сокращения: нар. — наречие, межд. — междометие, част. — частица, катег. сост. — категория состояния. В словарной статье на предлог отмечается падеж, которым он управляет: ПОНИМО, предлог с род. падежом — мимо; ВИЗЛЕ, предлог с род. падежом — возле, В-ЗА, предлог с творит. падежом — за.

Одной из трудных задач при написании словарной статьи является определение разного рода стилистических или экспрессивно-стилистических характеристик диалектного слова. Эта трудность предопределяется прежде всего неизученностью стилистической дифференциации диалектной речи, неисследованностью лексики диалекта с точки зрения эмоционально-экспрессивной окраски, неразработанностью методов и приемов выявления стилистической окраски слова.

И тем не менее при написании словарной статьи в случаях, когда позволяет материал, следует вызывать экспрессивно-стилистический паспорт слова, прибегая к пометам, указывающим на сферу употребления слова, эмоционально-экспрессивную окраску, степень употребительности:

фольк. — фольклорное,
 детск. — детское,
 экспр. — экспрессивное,
 уничиж. — уничижительное,
 пренебр. — пренебрежительное,
 иронич. — ироническое,
 снисход. — снисходительное,

уменьш. — уменьшительное,
 увеличит. — увеличительное,
 ласк. — ласкательное,
 эмоц. — эмоциональное,
 нов. — новое,
 устар. — устарелое,
 редк. — редкое и др.

Помета «эмоц.» используется в тех случаях, когда на основании имеющихся материалов трудно определить характер эмоциональной оценки (пренебрежительное, уничижительное, ироническое или др.).

Важность стилистической характеристики слова диктуется требованиями науки. Собранный и лексикографически обработанный материал поможет в решении проблемы стилистической, эмоционально-экспрессивной и иной дифференциации лексики диалектного языка.

За грамматическими и стилистическими пометами следует семантическая характеристика слова или в виде краткого объяснения его значения или через приведение литературного соответствия. Например: ОКУ-НЁВКА, ж. — сеть для ловли окуней; ОБЛАСОК, м. — долбленая лодка; ЛОНИШНЫЙ, ая, ое — прошлогодний; НАЗЁМ, м. — навоз.

Иллюстративный материал (примеры) приводится без транскрипции с обозначением лишь некоторых особенностей произношения (подударные гласные, сочетания согласных, цоканье, стяжение гласных и некоторые другие черты, легко передаваемые буквами русского алфавита без введения дополнительных надстрочных и прочих знаков). Количество примеров из диалектологических и фольклорных материалов — от одного до пяти, в зависимости от их числа в картотеке. Каждый пример локально фиксирован в принятых составителями условных сокращени-

ях географических названий.

После иллюстративного материала помещаются сведения о распространении слова в старожильческих сибирских говорах XX века: в алфавитном порядке называются области или края и районы, в которых это слово зафиксировано диалектологами. Например: Кем. (Кем. Юрг. Яшк.), Красн. (повсеместно), Нов. (Кышт. Ордын.), Том. (Пар. Туг. Шег.)¹³.

Для локальной характеристики бытования слова в XIX в. сведения извлекаются из опубликованных и архивных материалов и передаются в обозначениях единиц прежнего административного деления: губерниях, округах, уездах, волостях.

Сведение воедино показаний о распространении слов в XIX и XX вв. значительно затруднило бы работу составителей.

Справочного раздела о словарях и работах, в которых помещается данное слово, не будет, так как их информация о территориальных границах распространения слова в Сибири войдет в графу локальных помет словарной статьи. Справки же об отмеченности слова в говорах европейской части Союза излишни, поскольку они явились бы повторением сведений «Словаря русских народных говоров», издающегося Институтом русского языка АН СССР под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова.

¹³ Условные сокращения следует читать так: Кемеровская область (Кемеровский, Юргинский, Яшкинский районы), Красноярский край (все районы края), Новосибирская область (Кыштовский и Ордынский районы), Томская область (Парабельский, Туганский, Шегарский районы).

Г. И. КЛИМОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ АТРИБУТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ ЯЗЫКА НАУКИ И НАУЧНОГО СТИЛЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Термин «язык науки» имеет разные смыслы в методологической и лингвистической литературе.

В первом случае язык науки — это разного рода концептуальные схемы и оперативные системы для расчленения универсума объективной действительности, построения предметных схем той или иной науки и движения в этих схемах с целью выработки нового знания.

В лингвистической литературе термин «язык науки» употребляется в ином смысле: некоторая функциональная подсистема (стиль национального языка), которая обладает некоторыми лексико-фразеологическими, синтаксическими и стилистическими особенностями и обслуживает сферу научного поиска, построения научного рассуждения и описания результатов исследований в разных науках.

Безусловно, что оба эти термина «язык науки» — омонимы. Однако столь же очевидно, что между обозначаемыми ими реалиями существуют генетическая связь и функциональные отношения.

Во-первых, научный стиль естественного языка является средством воплощения и зачастую единственным средством — без участия схем, графиков, символических языков — развертывающегося научного рассуждения.

Во-вторых, система научного стиля естественного языка с ее тематическими парадигматическими группировками лексического материала и набором синтаксических конструкций является базисом, «несущей конструкцией» для собственно научных концептуальных схем и конструируемых фигур рассуждений, суждений, силлогизмов и проч.

По сути дела, имеет место обусловленное единой задачей развертывания научного рассуждения сложное взаимодействие двух разных смысловых систем, замкнутых на одних и тех же знаковых конструкциях. Различие между этими двумя системами таково. Семантическая система естественного языка первична по происхождению, но полифункциональна и обладает большими потенциальными возможностями к расширению и специализации значений ее элементов. Давно не будучи изоморфной современным научным системам категорий, обладающих большей смысловой и конструктивной глубиной и сложностью, семантическая система естественного языка тем не менее успешно выполняет функцию основы системы научных категорий¹⁾. Дело в том, что, как писал Г. О. Вино-

¹⁾ Г. И. Климовская. О конструктивной иерархии трех атрибутивных категорий в современном русском языке (Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР, Томск, 1972, стр. 72).

кур, «язык обладает способностью сохранять свою раз возникшую материальную организацию в качестве пережитка очень долгое время после того, как закончился породивший его этап культурного развития... Унаследованные от прошлого структуры очень легко приспособляются к новым условиям»²).

Задача данной статьи — проследить функциональное взаимодействие научного (концептуального) и естественного языкового (семантического) дискурсов в научном тексте на примере конструкций, выражающих так называемое атрибутивное знание, т. е. знание о наличии у предмета признака, качества, свойства. Нас интересуют, таким образом, некоторые концептуальные конструкции (фигуры), в основе которых в качестве «строительного материала» лежит сложное понятие о предмете А, в котором вычленен атрибут (признак, свойство, качество) В³). Логическая структура такого сложного понятия может быть изображена формулой (АВ), где (А) — символ понятия о предмете, (В) — символ понятия признака В, а соположенность символов — парадигматизированный характер содержащегося в этом понятии знания, т. е. факт производности понятия (АВ) из генетически предшествующего суждения А—В⁴).

Это сложное понятие (АВ) в свою очередь выступает как структурный элемент в атрибутивных логических построениях (фигурах), которые мы обнаружили в научных текстах, вычленили из ряда сходных явлений, распределили по трем содержательно-структурным типам и назвали категориями контрапозиции, репрезентации и классификации.

Описание этих конструкций мы предпринимаем, исходя из традиционного для русского и советского языкознания тезиса о такой связи языка и мышления, когда языковые семантические конструкции суть изоморфные или неизоморфные (см. замечание Г. О. Винокура, приведенное выше) реализации концептуальных конструкций, составляющих ядро семантических конструкций.

В специальном исследовании мы обнаружили, что в старорусском языке начиная с конца XVII — начала XVIII вв. встречаются уже по крайней мере два атрибутивных семантических построения, соответствующие категории контрапозиции и классификации⁵). Третья категория, репрезентации, сформировалась в еще более позднее время. Может быть, вследствие такой относительной «молодости» указанных языковых конструкций они семантически изоморфны соответствующим концептуальным построениям⁶).

Но если это так, то описываемые нами конструкции научного текста обладают необычным статусом существования: имея единственное синтагматическое существование в научном тексте, реализующем дискурс рассуждения, эти конструкции должны быть соотнесены с двумя разными парадигмами — во-первых, с концептуальной парадигмой языка науки, во-вторых, с семантической парадигмой научного стиля естественного языка.

² Г. О. Винокур. О задачах истории языка. (Цит. по: В. А. Звегинцев. История языкознания в очерках и извлечениях. Часть 2. М., 1965, стр. 303).

³ Н. М. Голдер. О логической структуре понятий, выраженных словосочетанием. (Логико-грамматические очерки. М., 1961).

⁴ Подобно псевдогенезис порождающего атрибутивного дерева описан нами в статье «Опыт псевдогенетического поиска языковых универсалий». (Языковые универсалии и лингвистическая типология, М., 1969).

⁵ Г. И. Климовская. О позиционном режиме в субстантив-атрибутивном словосочетании в русском народно-разговорном языке XVII—XVIII веков (Вопросы лексикологии и грамматики русского языка, вып. I, Кемерово, 1974).

⁶ См. нашу работу «О генетически исходном жестком изоморфизме мысленных и семантических языковых структур». (Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка, часть II, Самарканд, 1966).

Такого рода построения не взяты на учет ни в логике, ни в лингвистике. Поэтому за неимением ни логических, ни лингвистических средств подобного описания мы опишем выделенные конструкции в смешанной терминологии: феномены содержательного (смыслового) плана будем называть логическими терминами (понятие, сложное понятие, знание и т. п.), а оформительные единицы (знаковые конструкции) — лингвистическими (словопорядок, словосочетание, однородные члены словосочетания и т. п.).

Итак, опишем названные выше три концептуальные фигуры, выражающие различные осложненные модификации атрибутивного знания. Материалом исследования послужили современные русские научные (именно — лингвистические) тексты: статьи разных авторов из сборника «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» (М., 1970) и разные разделы «Грамматики современного русского литературного языка» (М., 1970)⁷⁾. Поскольку данное описание носит предварительный, установочный характер, в нем не учитывалось ярко выраженное влияние на выбор тех или иных конструкций особенностей коммуникативного задания текста (можно, например, в этом плане различить тексты «констативные» и «дискуссионные») и индивидуально-авторских склонностей.

Категория контрапозиции (или атрибутивной контрапозиции) — фигура противопоставления двух сложных атрибутивных понятий одного логического рода по их атрибутам как по видовым признакам.

Примеры. «Конкретно в области языкознания речь должна идти о переходе от аллоэмиического уровня к уровню гипераллоэмиическому» (I,148). «...ученый... вынужден отказаться от генетического метода и заменить его методом аксиоматическим» (I,148). «...краеугольным камнем всех построений так называемой трансформационной грамматики является понятие «глубинной структуры», до которой исследователь должен дойти чисто умозрительно, поскольку в опыте ему даны только разные высказывания, называемые структурами «поверхностными» (I,151). «При согласовании осуществляется подчинение формы зависимого слова форме слова главенствующего» (II,548).

Как видно из примеров, в структуре единичной фигуры атрибутивной контрапозиции выделяются по крайней мере два разные по функции члена. Один из них, второй по порядку следования в предложении, мы назвали членом актуализации, поскольку вся фигура (бином) атрибутивной контрапозиции строится с целью актуализовать одно сложное понятие в его видовом противопоставлении другому сложному понятию — так называемому члену «отталкивания», первому по порядку следования во фразе⁸⁾.

Таким образом, концептуальный план категории атрибутивной контрапозиции в целом представляет собой привативного типа оппозицию наличия/отсутствия в суждении двучленной фигуры (бинома) контрапозиции двух сложных понятий по их атрибутам как по видовым различиям внутри одного логического рода («уровень» — в первом примере, «метод» — во втором, «степень глубины структуры» — в третьем).

Логический смысл отношения члена актуализации и члена «отталкивания» в фигуре (бине) атрибутивной контрапозиции исчерпывается

⁷⁾ Сборник в дальнейшем будем условно обозначать цифрой I, Грамматику — II. Номера страниц будут обозначены арабскими цифрами после I и II. Предложения будут цитироваться с сильным сокращением избыточных относительно рассматриваемых построений частей.

⁸⁾ В примерах член актуализации набран вразрядку, член отталкивания — полужирным шрифтом.

принципом контрастности. Как известно, «контрастное отношение... — отношение между противоположными... понятиями, которые вместо не могут быть истинными, но оба вместе могут быть ложными»⁹).

Принцип логического отношения между членами актуализации и «отталкивания» определяет в конечном счете объем денотата члена «отталкивания». В случае контрастности (противоречия) денотат члена «отталкивания» — это реально в тексте названный или только подразумеваемый конкретный и определенный предмет того же рода, что и денотат члена актуализации. Число членов контрастности всегда конечно: два, три, реже больше¹⁰) (аллоэмический, гипер- и гипоаллоэмические уровни в примере I,148; «глубинные» и «поверхностные» структуры в примере I,151; главенствующие и зависимое слово в примере II,548).

Языковым средством выражения члена актуализации, как видно из примеров, является субстантив-атрибутивное словосочетание с инверсированным порядком слов. При этом постпозиция прилагательного-определения есть специальное языковое средство выражения актуальности противопоставления членов данного бинома, ремического напряжения члена актуализации. Член «отталкивания», как правило, выражен субстантив-атрибутивным словосочетанием с прямым порядком слов, реже — одиночным словом или словосочетанием другого типа.

Например: «Следовательно, речь идет не об установлении связей между отдельными лингвистическими фактами («атомами») вообще, а о поисках **связей универсальных**, пронизывающих всю языковую структуру» (I, 14).

От бинома атрибутивной контрапозиции следует отличать сходные по языковому выражению пары сложных атрибутивных понятий, противопоставление которых не имеет характера родо-видовой контрапозиции.

Например: «...на основное грамматическое значение предложения накладывается значение квантитивное (количественное)» (I,562).

Следует отметить, что бином атрибутивной контрапозиции встречается также в публицистических текстах, на газетной и журнальной полосе, в текстах художественной литературы.

Второй рассматриваемой концептуальной конструкцией, встречаемой исключительно в научных текстах, является фигура репрезентации — введения в текст рассуждения нового сложного понятия или уже известного понятия в его новом, доколе не упоминаемом атрибуте.

Например. «**Основной и первичной функцией** предложения является **функция коммуникативная**» (II,541). «...процесс абстракции нередко и не без оснований мыслится как **процесс бесконечный**» (II, 151). «Задачей возможно полной грамматической характеристики **русского литературного языка как языка национального** в ней (грамматике, — Г. К.) определено широкое понимание границ современного языка» (II, 3).

Как видно из приведенных примеров, фигура репрезентации конструктивно тоже двучленна, но в отличие от бинома атрибутивной контрапозиции конструктивная членимость фигуры репрезентации не изоморфна ее смысловой членимости. Оба конструктивных члена фигуры репрезентации (например, «процесс абстракции» и «процесс бесконечный» в II, 151) суть состав только члена актуализации. Член же «отталкивания» в этом случае имеет сложный статус существования.

⁹) Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1970, стр. 227.

¹⁰) Подробнее об этом в нашей статье «Система видов логического ударения в атрибутивном словосочетании». (Вопросы русского языка и его говоров, Томск, 1968).

В самом деле принципом логического отношения между членами актуализации и «отталкивания» в фигуре репрезентации является отношение контрадикторности. Как известно, «контрадикторное отношение — отношение между противными, или противоположными..., понятиями, которые вместе не могут быть истинными..., но оба вместе могут быть ложными»¹¹⁾.

В случае контрадикторных отношений между членами актуализации и «отталкивания» денотатом члена «отталкивания» являются не называемые в суждении все остальные (безразлично, сколько их) предметы того же рода, что и денотат члена актуализации, за исключением этого одного денотата члена актуализации.

Так, в примере II,541 денотатом члена «отталкивания» являются все прочие многочисленные функции языка, кроме функции коммуникативной. В примере II,151 денотатом члена «отталкивания» являются все прочие мыслительные процессы, за исключением процесса абстракции; в примере II,3 — все прочие естественные языки, кроме русского литературного и т. п.

Языковым средством выражения фигуры репрезентации является наличие в предложении двуэлементного построения, первый элемент которого одиночное существительное или субстантив-атрибутивное словосочетание с прямым порядком слов, второй элемент — субстантив-атрибутивное словосочетание с инверсией, прилагательного-определения (см. приведенные выше примеры). Инверсия прилагательного-определения служит собственно языковым выражением ремического напряжения в фигуре репрезентации.

Частными, хотя и частыми случаями категории репрезентации являются случаи введения репрезентируемого понятия в составе родовой группы очень общего, часто предельно абстрактного значения: «понятие», «явление», «вещь», «предмет», «дело», и т. п.

Например, «речь идет о сущности языка, т. е. о предмете методологическом» (I,14). «Первый период характеризуется представлением о первобытном мышлении как явлении крайне неопределенном... (I,320). «Синтез методов в смысле поглощения или подчинения одному существующему теперь методу всех других методов — дело нереальное, плод большой фантазии» (I,24).

В таких вариантах фигуры репрезентации, как нам кажется, ремическое напряжение понятия вновь вводимого атрибута достигает наивысшего предела и выразительности.

Категория классификации — это разных конфигураций, объема и языкового оформления концептуальные построения, изображающие родо-видовые отношения двух или нескольких предметов. Причем в отличие от категории атрибутивной контрапозиции здесь просто констатируется факт наличия видовых различий в пределах родовой группы, факт равной значимости всех видовых вариантов в рамках данного научного суждения.

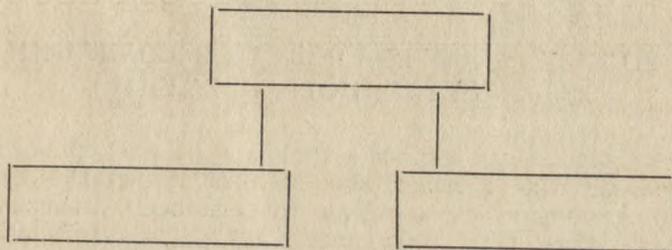
Например. «Такого рода изучению подчинено и его (Хомского. — К. Г.) положение о необходимости выделения в предложении двух структур, глубинной и поверхностной» (I,298). «Эти дисциплины и направления находятся на стыке языкознания с другими науками, естественными и общественными» (I,8). «...открытие новых языков и диалектов, древних и современных... происходит вне прямой зависимости от философских концепций» (I,8).

Как видно из приведенных примеров, языковым средством выражения концептуальных классификационных отношений является лекси-

¹¹⁾ Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1970, стр. 227.

ческий материал и морфолого-синтетическая структура субстантив-атрибутивного словосочетания. Имя существительное-определяемое выражает родовое понятие, прилагательные-определения — видовые различия; инверсный словопорядок и запятая, отделяющая определение от определяемого — родо-видовые отношения внутри этого усложненного атрибутивного построения.

Иногда классификационные отношения между элементами данного построения выражаются в синтаксических конструкциях с усложненной пунктуацией (комбинацией запятых, тире и двоеточий) и приобретают при этом почти графическую выразительность, сравнимую со схемой типа

Например. «Данная тема имеет поэтому два аспекта: **общий, гносеологический и специальный — языковедческий** (1,153). «Совершенно очевидна произвольность его... классификаций всех философских течений **на две группы: эмпирические и рационалистические**» (1,291).

Приведенное нами описание нескольких атрибутивных категорий носит, по сути дела, характер иллюстраций к приведенным в начале статьи рассуждениям, догадкам и предположениям.

В заключение следует отметить, что описанные конструкции не только имеют двойственный — концептуально-семантический — статус существования и принадлежат двум разным — собственно научной и естественной языковой — парадигмам, но и явно не находят места в существующей уровневой иерархии языка.

Скорее всего, согласно нашему предположению, это — образования типа «понятийных категорий» И. И. Мещанинова¹²⁾, объединяющие в своем составе разноуровневые средства выражения (лексические, синтаксические, морфолого-грамматические), или поля¹³⁾.

¹²⁾ И. И. Мещанинов. Понятийные категории в языке (Труды Военного института иностранных языков, 1945, № 1).

¹³⁾ Г. С. Щур. Теории поля в лингвистике. М., 1974.

Ю. А. КУЗЬМИНА

О РОЛИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ

Художественное время, как известно, один из важнейших компонентов стиля произведений художественной литературы. Не удивительно поэтому, что оно привлекает внимание прежде всего литературоведов, среди которых особое место принадлежит акад. Д. С. Лихачеву, описавшему различные аспекты художественного времени¹⁾. Но литературоведы обычно ориентируются на неязыковые средства формирования художественного времени, не анализируя языковых²⁾. Лингвисты, напротив, тщательно изучают языковые средства передачи временных отношений (в основном глагольных форм времени в прямом и переносном употреблении), но не связывают их с художественным временем³⁾. Попытка объединить литературоведческий и лингвистический подходы к изучаемой проблеме предпринята В. В. Виноградовым⁴⁾, Н. С. Поспеловым⁵⁾, И. И. Ковтуновой⁶⁾, Л. А. Соколовой⁷⁾ и некоторыми другими учеными, рассматривающими функции языковых средств, в том числе и грамматического времени, в формировании способов изложения содержания как основного элемента речевой композиции художественного произведения. Каждое из этих направлений в исследовании категории времени правомерно, ибо вскрывает те или иные особенности этого сложного и многостороннего объекта.

Предметом нашего исследования является выяснение роли языковых средств обозначения времени в формировании стиля литературного произведения.

В данной статье мы ставим перед собой более узкую задачу — исследовать некоторые функции лексических показателей времени⁸⁾ в создании авторского художественного времени.

¹⁾ Д. С. Лихачев. Поэтика дравнерусской литературы, Л., изд-во «Наука», 1967, стр. 212—352.

²⁾ См., например: Н. Ф. Ржевская. Концепция художественного времени в романе. «Фиолог. науки», 1970, № 4.

³⁾ По этому вопросу существует обширная литература учебного и научного характера, так как разработкой проблемы значений временных форм глагола занимаются многие лингвисты.

⁴⁾ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 113—155.

⁵⁾ Н. С. Поспелов. Категория времени в грамматическом строе совр. русского языка. Рукопись докт. дисс., М., 1953.

⁶⁾ И. И. Ковтунова. Несобственно прямая речь в языке русской литературы конца XVIII — начала XIX вв. Рукопись канд. дисс., М., 1955.

⁷⁾ Л. А. Соколова. Несобственно авторская (несобственно прямая) речь как стилистическая категория. Томск, изд-во Томского гос. ун-та, 1968.

⁸⁾ В дальнейшем понятие „лексический показатель времени“ обозначено сокращенно — ЛПВ.

Работа проведена на материале рассказов К. Г. Паустовского, опубликованных в 5-м томе собрания сочинений писателя⁹⁾.

Нам представляется, что в художественном произведении существует разделение функций между глагольными формами времени и другими языковыми средствами передачи временных отношений.

Во всяком случае, известно, что глагол выполняет функцию ведения сюжета, передает оттенки значений временной формы (абсолютность-относительность, однократность-многократность, длительность-недлительность и т. д.). Изменение глагольного времени, как отмечается в лингвистической литературе, служит основным средством переключения авторской речи на несобственно-авторскую (крупные формы). Однако в целом ряде случаев глагол оказывается недостаточным и возникает необходимость прибегнуть к другим средствам выражения времени, в частности, лексическим, которые, видимо, имеют свое, особое назначение. Выявить его представляется необычайно интересным.

Как любое литературное произведение, рассказы К. Г. Паустовского от первой до последней строки пронизаны временем. Однако на фоне глагольного времени, выполняющего в рассказах прежде всего функцию ведения сюжета, обращает на себя внимание обилие лексических временных показателей, употребляемых в начале того или иного речевого отрезка (рассказа, части, абзаца). Так, из 52 рассказов 28 начинаются предложением с лексическим или лексико-грамматическим показателем времени. Например, «**Всю ночь** шел дождь...», («Английская бритва»); «**Лето** стояло дождливое» («Пачка папирос»); «Художника Петрова призвали в армию **на второй год войны...**» («Белая радуга»); «Поезд отошел из Москвы **ночью**» («Фенино счастье»). 17 рассказов («Телеграмма», «Старик в потертой шинели», «Маша», «Поселок среди скал» и др.), разделены автором на части, и около 60% частей (31 из 54) начинаются с лексических единиц, имеющих временную семантику.

Очень часто начинаются с ЛПВ и абзацы. Например, в рассказе «Правая рука» в авторской речи выделено 35 абзацев, 19 из которых начинаются с предложения, включающего ЛПВ, причем в 13 он возглавляет абзац. По нашему мнению, это происходит тогда, когда совпадает событийное и абзационное деление текста. В тех случаях, где абзацы выделяются в пределах одного событийного отрезка, ЛПВ не используется.

Например, «**К концу сентября** трава на заре уже хрустела от инея, и Тихон начал готовить на зиму дрова. Пилить и колоть одной рукой было очень трудно. Тихон мучился, уставал, а **однажды** швырнул в сердцах топор и чуть не заплакал...

Топор загремел по камням, и тут же в кустах, за плотиной что-то зашуршало, посыпался щебень.

Тихон взгляделся, но увидел только, как закачались ветки березы. С них посыпались сухие листья

На следующее утро где-то далеко, выше по реке, начал глухо тяпать топор».

На наш взгляд, выдвигая временной лексический показатель в начало рассказа, автор сразу конкретизирует время, выраженное грамматически, и без промедления вводит читателя в круг событий, происходящих в это время.

Теория актуального членения позволяет подойти к выяснению роли ЛПВ в зависимости от его места в ремо-тематическом содержании. Так, предложения, где ЛПВ входит в рему, обладают повышенной

⁹⁾ К. Паустовский. Собрание соч. М., т. 5, Гос. изд-во худ. литературы, 1958.

информативностью, создавая впечатление того, что читателю уже известны некоторые предшествующие события. Например, «В Наволоки пароход пришел **ночью**» («Рассвет»). Читателю кажется, что он уже знает, что герой ехал на пароход, что пароход шел и что он должен был прийти в Наволоки. Неизвестным было лишь время его прибытия. Теперь и это стало известно. Таким образом, подобная фраза оказывается очень экономной, что немаловажно для рассказа как небольшого по объему произведения.

Кроме того, как показывает материал, в сочетании с глаголом совершенного вида лексический показатель времени становится своеобразным сигналом приступа или перехода к сюжетному повествованию, начальной точкой отсчета сюжетного времени. Это наблюдается не только в начале рассказа, но и в начале части или абзаца, следующих за описанием обычных или постоянных действий, портрета или пейзажа (грамматически это выражается формами настоящего постоянного или прошедшего несовершенного), нередко сочетающихся с лексическими единицами со значением постоянного или обычнойности). Рассказ «Стекланные бусы», например, начинается описанием обычных для раннего деревенского утра событий:

«На рассвете **всюду** в избах **одно и то же**¹⁰⁾ — и у нас, под Костромой, и на Украине, и в гуцульской деревушке у подножья Карпат». И лишь в девятом абзаце появляется глагол совершенного вида, поддержанный ЛПВ: «**Только вчера** мы заняли эту деревушку». Именно с этого предложения, с этого абзаца и начинается развитие сюжета рассказа.

Подобные примеры обнаружены и в рассказах «Приказ по военной школе», «Пачка папирос», «Дорожные разговоры», «Старик в потертый шинели», «Корзина с еловыми шишками» и ряде других.

Часто ЛПВ, стоящий во главе абзаца, помогает воплотить через авторскую речь фабульное время в сюжетное, установить последовательность или параллельность, одновременность события.

В качестве примера приведем рассказ. «Правая рука». «**Летом...** Тихон выписался из госпиталя». (5 абз.). «**А потом** пришла... осень». (8 абз.). «**К концу сентября** трава... хрустела от инея». (9 абз.).

«**На следующее утро...** начал глухо тпать топор». (12 абз.). «**А днем** речушка начала приносить к плотине... дрова». (13 абз.). «**К вечеру** дрова перестали плыть, а **наутро** снова поплыли». (14 абз.).

«**На второй день к вечеру** за плотиной... что-то зашуршало». (15 абз.).

Здесь, как мы видим, лексические показатели времени вместе с глагольными временными формами способствуют передаче последовательно сменяющихся друг друга событий. С помощью временных лексических показателей соответствующей семантики передается и параллелизм событий.

Так, в рассказе «Поселок среди скал», описывающем события «одного из последних дней декабря», кроме следующих друг за другом событий («**В это утро** ... Джейн вышла во двор ... Через час все население Иверсайда было потрясено известием ... **Вскоре** все население Иверсайда собралось на берегу...»), изображены и параллельные. С тех пор как Кларк ушел с берега в церковь и стал молиться за спасение русского корабля, население Иверсайда разделилось на две части: основная была на берегу, а Кларк и пришедший к нему Фэрти — в церкви. Разделились и действия. Они стали протекать одновременно. На эту параллельность и указывает ЛПВ: «**В это время** у маяка Дуг

¹⁰⁾ Разрядкой даны лексические единицы, поддерживающие значение настоящего обычного.

происходило следующее» (первый абзац 5 части)¹¹⁾. Функцию обозначения одновременности или последовательности протекания события выполняют и придаточные предложения времени, но это особая проблема, решение которой не входит в задачу данной работы.

Кроме того, ЛПВ, в том числе и стоящий во главе речевого отрезка, может служить средством установления соотношения между фактическим и изображенным временем. Примером этого может служить рассказ «Аннушка».

«Через день Аннушка уехала с артистами.

Военное время тянулось долго; казалось, не будет ему конца.

На третий год после отъезда Аннушки май стоял прохладный и ясный. И в один майский день, когда небо звенело от холода, пришло великое известие, что мы победили и война окончена».

Лексический показатель указывает, что за пределами изображенного осталось более 2-х лет фактического времени.

Лексические показатели времени участвуют и в композиционном членении иного, чем членение на части и абзацы, уровня, а именно в смене повествовательной основы. В числе анализируемых рассказов есть произведения с двумя повествовательными основами, так называемый «рассказ в рассказе». Например, в рассказе «Кружевница Настя» с помощью речи автора-повествователя и автора-рассказчика сообщается о прошлых событиях, поэтому, для обозначения времени использованы грамматические средства — формы прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного вида. Начало речи автора-повествователя и автора-рассказчика отмечено лексическими временными показателями: **«Ночью** в горах Ала-Тау глухо гремела гроза (автор-повествователь). **Летом 1940 года** ленинградский художник Балашов уехал охотиться» . . . (автор-рассказчик). ЛПВ стал точкой отсчета времени автора-рассказчика и позволил без смены глагольной временной формы переключить повествование на другой временной план.

Таким образом, наш материал показывает, что лексические средства обладают большими возможностями обозначения различных сторон художественного времени и способствуют выходу глагольных временных форм в композицию более высокого уровня, чем языковая, куда глагол легко выходит сам, без поддержки других средств, будучи необходимым структурным элементом предложения. Поэтому при анализе художественного времени нельзя ограничиваться выяснением роли глагольных форм времени, надо учитывать весь комплекс средств языкового выражения времени, ибо, выполняя ту или иную функцию в структуре художественного произведения, все они взаимодействуют между собой, дополняя, поддерживая и усиливая друг друга.

¹¹⁾ Части пронумерованы нами для удобства работы.

С. И. ОЛЬГОВИЧ

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ УСВОЕНИИ СТАРΟΣЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Среди заимствованной лексики слова старославянского происхождения занимают особое место. Безоговорочно относя старославянизмы к числу заимствований, исследователи тем не менее стараются обойти молчанием этот лексический пласт, как только вопрос начинает касаться освоения и усвоения иноязычных слов. Ставшие аксиоматичными положения о том, что любое заимствованное слово подвергается в новом языке фонетической, грамматической и семантической адаптации, как будто не имеют отношения к бытующей в русском литературном языке лексике старославянского происхождения. Особое положение этой лексики объясняется обычно «родственностью» старославянского языка, общностью, точнее, близостью фонетической и морфологической системы, синтаксического строя. Вместе с тем подчеркивается, что в старославянском языке были несвойственные древнерусскому фонемы (значит, была и субституция, характерная для освоения заимствований!), выделяются фонетические, словообразовательные и даже семантические признаки старославянизмов. Можно согласиться с утверждением, что старославянские слова довольно легко воспринимались и воспроизводились русскими книжниками благодаря близости двух родственных языков¹⁾. Однако полагать, что фонетико-грамматическое воспроизведение влекло за собой и тождественную передачу смысла, было бы по меньшей мере опрометчиво. Именно в семантике следует искать своеобразие «приживления» старославянизмов на русской почве. С точки зрения передачи смысла многие старославянизмы, прийдя в русский язык, оказались в чрезвычайно трудном положении, ибо они не были заимствованиями, проникшими с вещью, предметом, они не передавали значений новых понятий, более того, они имели на русской почве дублиеты, равные им по значению и соответствующие, чрезвычайно близкие по звуковому оформлению. Несмотря на это, большинство из подобных слов-параллелей не было отброшено русским языком, а сохранилось либо в содружестве с русским вариантом, либо вытеснив его.

¹⁾ «Старославянские (болгарские) слова, звучавшие отлично от живых народнорусских слов, но не заключающие чуждых живому русскому произношению фонем, удержались в языке книжников и писцов как лексические варианты, характеризовавшие литературную, образованную книжную речь в отличие от разговорной...» — Б. Н. Кипарисов. Старославянский язык и его отношение к восточнославянским литературным языкам на главнейших этапах их развития. Ученые записки Башкирского университета, вып. 9, № 3, 1962, стр. 61—62.

В современном русском литературном языке некоторые параллели старославянского происхождения обладают более абстрактным значением по сравнению с русским соответствием. Опираясь на этот факт, а также на то, что в период наиболее интенсивного взаимодействия русского и старославянского языков старославянский обогатил русскую лексику целым рядом отвлеченных существительных с характерными суффиксами «-ниј-», «-ениј-», «-аниј-», «-иј-», «-ость-» и т. п., отдельные исследователи утверждают, что все старославянизмы приходили в русский язык «с абстрактным значением». Именно опираясь на это положение, А. С. Львов замечает в одной из своих работ: «Разумеется, восточные славяне произносили ВЕРЕМА (с-сл), а не ВРЕМА (с-сл), притом первое, как можно догадываться, употреблялось в более конкретном значении в отличие от книжного ВРЕМА (с-сл) (подчеркнуто мною. — С. О.), усвоенного в значении *хрѡвос, klipos*²⁾».

И уже совершенно категорично высказывают эту же мысль авторы учебника по старославянскому языку В. Ф. Кривчик и Н. С. Можейко: «Как правило, восточнославянские слова с полногласными формами выступали в своем первоначальном конкретном значении, а старославянские слова с полногласными формами приобретали уже в то время абстрактное значение. Такое значение сохраняется за словами с неполногласными формами и в современном русском языке (власть, храм, хранить, глава, прах, пленить, привлекать, прельстить и др.)³⁾. И далее: «Древнерусский язык под влиянием старославянского значительно обогатил свой словарный состав за счет отвлеченной (абстрактной) лексики. Кроме слов с неполногласием (подчеркнуто мною. — С. О.), можно отметить и другие...»⁴⁾.

В семантическом отношении пришедшие в русский язык старославянизмы неодинаковы, поэтому представлять их всех абстрактными было бы, вероятно, неправильно. Но прежде чем говорить о их усвоении, необходимо отметить своеобразие появления старославянской лексики в русском языке.

В отличие от заимствований из греческого, латинского и других языков старославянизмы появились в древнерусском языке не как отдельные вкрапления в речи, а как большой языковой пласт со всеми системными отношениями, сложившимися к тому времени в старославянском языке и закрепленными в письменных памятниках. В этот пласт входила вся специальная лексика религиозного содержания и нейтральная, служащая для передачи тоже культовых текстов. Поскольку нейтральная лексика в подавляющем большинстве своем восходила к общеславянскому источнику, на русской почве она не нуждалась в особом переводе и осмыслении. Религиозная терминология заимствовалась, не претерпевая существенных фонетико-грамматических перобразований и сохраняя значение языка-источника. Среди нейтральной по отношению к церковному культу лексики вместе с церковными памятниками на старославянском языке пришли слова, имеющие в древнерусском языке дублиеты, разошедшиеся по своей огласовке (неполногласие, ЖД и Щ, соответствующие русским Ж и Ч, начальные РА ЛА-, Е и т. п.). В фонетическом отношении эти слова отличались только одной какой-либо чертой, представляющей собой закономерное фонетическое соответствие. С морфологической точки зрения их сближала принадлежность к одной части речи, общность формоизменения, фор-

²⁾ А. С. Львов. Выражение понятия времени в Повести временных лет. Русская историческая лексикология. М., 1968, стр. 38.

³⁾ В. Ф. Кривчик и Н. С. Можейко. Старославянский язык, Минск, 1970, стр. 175.

⁴⁾ Там же.

мальных показателей и т. п. В ряде случаев наблюдалось полное тождество семантики. В течение довольно продолжительного периода времени эти встретившиеся в одном из родственных языков дублеты, в ходе усвоения превращающиеся в варианты, «варьируемые наименования»⁵⁾ и подобные языковые единицы, сосуществуют, активно взаимодействуют, устраняются или побеждают. В языке, ставшем местом такого необычного сосуществования, создается особая ситуация, в которой «возникшие первоначально в результате фонетических изменений слова разных языковых систем перестают быть фактами разных языков и сталкиваются между собой в пределах как бы одной системы — в данном случае древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. Эти лексемы пока еще не всегда приобретают разную стилистическую окраску, как это случилось впоследствии, когда они постепенно превратились в разные слова, зачастую с неодинаковым значением»⁶⁾. Учитывая это, к старославянизмам периода их усвоения следует, по-видимому, относиться не как к иноязычным элементам, а как к этимологическим дублетам общеславянского языка, функционирующим на древнерусской языковой почве. В этом случае для нас важно выяснение ранних значений обоих вариантов и конечный результат их взаимодействия.

Цель данной статьи — выявление особенностей семантической устойчивости старославянизмов, имеющих в момент заимствования (точнее, в момент их проникновения в русский язык) русские параллели.

Для анализа использованы параллельные образования с неполногласием — полногласие в корне, с начальными РА-, ЛА-, РО-, ЛО-, с фонетическими соответствиями ЖД-Ж, Щ-Ч, причем преимущественно с непроизводной основой. Большинство анализируемых слов является именами существительными, часть слов — имена прилагательные и глаголы (в этих случаях встречаются и производные основы). Всего рассмотрено 79 пар слов.

В момент активного сосуществования в древнерусском языке 24 из рассматриваемых параллелей оказались однозначными, имея при этом тождественное значение. Среди них 14 имен существительных, большинство из которых в древнерусский период имело конкретные значения, 4 имени прилагательных, 5 глаголов и один предлог. Чтобы нагляднее представить картину этих соответствий, приведем эту группу параллелей полностью.

Старославянский вариант	Значение ⁷⁾	Древнерусский вариант
1	2	3
1. Блато	болото	болото
2. Брег	скала, берег	берег
3. Кладезь	колодец	колодезь
4. Ладья	корабль, судно, лодка	лодка
5. Млеко	молоко	молоко

⁵⁾ Термин Т. А. Кандауровой исп. в работе «О случаях параллельного употребления полногласных и неполногласных слов-вариантов в памятниках XI—XIV вв.» Русская историческая лексикология. М., 1968, стр. 143 и далее.

⁶⁾ Г. Н. Лукина. Старославянизмы и древнерусские лексические варианты с начальными А—Я, Ю—У, Е—О в языке древнерусских памятников XI—XIV вв. Русская историческая лексикология, М., 1968, стр. 114.

⁷⁾ Значения даны по словарю И. И. Срезневского «Материалы для древнерусского словаря».

	1	2	3	
Имена существительные	6. Одежда	одежда	одежа	
	7. Вран	ворон	ворон	
	8. Ночь	ночь	ночь	
	9. Мраз	мороз	мороз	
	10. Влага	жидкость влага	волога	
	11. Чреда	черед, очередь	череда	
	12. Здравие	здоровье	здоровье	
	13. Мошь	сила	мочь	
	14. Тождество	равенство, одинаковость	тожество	
	Имена прилаг.	15. Млечный	молочный	молочный
		16. Мрачный	темный, мрачный	морочный
		17. Краткий	короткий	короткий
		18. Храбрый	храбрый	хоробрый
	Глаголы	19. Влечь	тащить	волочь
20. Градить		огодаживать	городить	
21. Златить		покрывать золотом	золотить	
22. Насаждать		сажать, укреплять	насажать	
23. Срамить		оскорблять	соромить	
24. Среди		посреди	среди	

Абсолютное тождество значений у данных слов неизбежно должно было привести к вытеснению, исчезновению из языка одного из вариантов или к другим каким-либо качественным изменениям. Результаты происшедших изменений в каждой из подгрупп показаны с помощью следующих таблиц, в которых исчезновение слова из словаря или уход его в пассивный запас отмечено знаком —, качество значения, имевшего место в период сосуществования дублетов, знаком +, изменение значения в современном русском языке →. Конкретные значения указываются буквой к, абстрактные — буквой а; кроме того, различная степень абстракции значения может быть обозначена буквами а/к (большая степень абстракции) и к/а (меньшая степень абстракции).

Таким образом, оказывается, что из 14 существующих пар однозначных дублетов имен существительных 5 пар сохранили дублетные формы, 7 пар утратили старославянский вариант, 2 — русский; из 4 однозначных дублетных пар имен прилагательных 2 сохранили дублеты, 2 — утратили русский вариант; из 5 глагольных дублетных пар одна сохранила дублеты, 2 утратили старославянский вариант, 2 — русский. При этом в период взаимодействия 16 из 24 дублетов обладали конкретным значением (имена существительные — 8; прилагательные — 4, глаголы — 4), 2 — конкретно-абстрактным (ночь — время суток, влага — жидкость) и только 6 — абстрактным (4 имени существительных, 1 глагол и 1 предлог). Среди имен существительных, имеющих конкретное значение, 5 утратили старославянский вариант, 2 пары сохранили дублетные формы (ладья-лодка, чреда-череда), причем старославян-

ский вариант в одной из них приобрел новое значение (название шахматной фигуры), в другой существует тенденция к сохранению русского варианта (**чередa** в новом значении «вереница»); наконец, одно слово (одежда) сохранилось в старославянском варианте.

У имен прилагательных, сохранивших дублетные формы, наблюдается развитие новых значений в каждом варианте (кроме прил. «млеч-

Часть речи	Происхождение	Сохранилось в совр. русском языке	Исчезло из языка	Первоначал. значение		Дальнейшее развитие знач.	
				к	а	к	а
	ст. — сл. др. — р.	болото	—	+		+	+
	ст. — сл. др. — р.	берег	—	+		+	
	ст. — сл. др. — р.	ворон	—	+		+	
Имя существительное	ст. — сл. др. — р.	колодезь (ец)	—	+		+	
	ст. — сл. др. — р.	молоко	—	+		+	
	ст. — сл. др. — р.	мороз	—		+		+
	ст. — сл. др. — р.	ночь	—	к/а +			+
	ст. — сл. др. — р.	ладья лодка		+		+	(нов.) +(прежн.)
	ст. — сл. др. — р.	здравне здоровье			+	+	+(▲) +
	ст. — сл. др. — р.	мощь мочь			+	+	+(кн.) +(Δ, (разг.))
	ст. — сл. др. — р.	тождество тожество	—		+	+	+
	ст. — сл. др. — р.	чреда чередa		+		→ + (ус.) → + нов.) + уст.)	
Имя прилагательное	ст. — сл. др. — р.	одежда	—	+		+	
	ст. — сл. др. — р.	влага	—		а/к +		+
	ст. — сл. др. — р.	млечный молочный		+		→ + () +	
	ст. — сл. др. — р.	краткий короткий		+		→ + (кн.) +	

Часть речи	Происхождение	Сохранилось в совр. русском языке	Исчезло из языка	Первоначал. значение		Дальнейшее развитие знач.	
				к	а	к	а
Имя прилаг.	ст. — сл. др. — р.	мрачный	—	+		--->	
	ст. — сл. др. — р.	храбрый	—	+		+	
Глагол	ст. — сл. др. — р.	городить	—	+		+	
	ст. — сл. др. — р.	золотить	—	+		+	
	ст. — сл. др. — р.	насаждать насажать		+		--->	+
	ст. — сл. др. — р.	влечь	—	+		--->	+
	ст. — сл. др. — р.	срамить	—		+	←--- (разг.)	
Предлог	ст. — сл. др. — р.	среди	—		+	+	

ный») и разграничение стилистического характера (старославянский вариант — книжн., древнерусский-разг.). У прилагательного «мрачный», утратившего в литературном исконный вариант, на первый план выступает новое значение, более абстрактное по сравнению с первоначальным «темный».

Глаголы, сохранившие исконный вариант, не изменили ни значения, ни стилистической принадлежности. В сохранившейся дублетной паре (насаждать-насажать) старославянский вариант приобрел более абстрактное значение и книжную стилистическую окраску. То же наблюдается и у глагола «влечь», вытеснившего исконный вариант «волочь». Что же касается глагола «срамить», также сохранившегося только в старославянской огласовке, то в стилистическом плане у него отмечается обратная тенденция — переход в пласт разговорной лексики.

Более сложную картину представляют в семантическом плане дублеты, один из которых имел два значения, другой — одно или каждый из которых обладал двумя значениями. Всего рассмотрено 14 дублетных пар такого типа (7 — имена существительные, 3 — прилагательные, 3 — глаголы). Только в двух парах двузначным оказались оба дублета (имена существительные «брань-боронь» и глаголы «владеть-володеть»), при этом совпадающим у них оказалось одно значение (у существительных значение «битва», у глагола — «иметь в своей власти»), вторые значения для каждого варианта были самостоятельными. В группе имен прилагательных двузначными оказались старославянские варианты при равном количестве однозначных исконных (3—3); в группе глаголов (помимо рассмотренной пары) двузначный старославянский вариант и один — исконный, соответственно имеющие по одной однозначной параллели; в группе имен существительных

(также помимо рассмотренной пары) 4 двузначные старославянские параллели, которым соответствуют однозначные русские слова, и 2-двузначные русские параллели, имеющие однозначные старославянские варианты.

Все эти пары, кроме глаголов «храниться-хорониться», имеют по одному общему значению. Второе значение, имеющееся у старославянского или русского варианта, по-видимому, является вторичным по отношению к старославянскому языку-основе. Характерно, что все эти **общие** для двух слов значения сохранились в современном русском языке, в какой бы огласовке слово ни выступало. Половина двузначно-однозначных параллелей (7 из 14) осталась в русском языке в обеих формах, дифференцируясь при этом не по значению, а по стилистической окраске. Четыре слова сохранились в русской огласовке, несмотря на то, что русский вариант был однозначным, а старославянский — двузначным. Три слова закрепились в старославянской огласовке. Интересно, что ими являются 2 варианта параллелей, каждый из которых был двузначным («брань» и «владеть»), а также слово «вождь», которое для русского варианта имело два значения, а для старославянского — одно. Две пары слов, сохранивших обе параллельные формы, имеют конкретное значение, остальные 5 — абстрактное; из 3-х слов, сохранившихся в старославянской огласовке, 2 имеют абстрактное значение, 1 — конкретное; из 4-х слов, сохранившихся в русской огласовке, 3 имеют конкретное значение (2 из них — имена прилагательные), одно — абстрактное. Следовательно, при сохранении и закреплении того или иного варианта слова в языке качество значения (абстрактность-конкретность) было важным, но не **главным**. Главным при этом оказывалась общность семантики, а она, очевидно, была обусловлена первичностью значения, идущей от общеславянского языка. Эта тенденция к сохранению тождественных, общих значений обнаруживается и у многозначных дублетов.

Многозначные параллели представляют самую большую по объему группу. В нее входят 26 пар имен существительных, 6 глаголов и 7 имен прилагательных.

Как показал анализ многозначных имен существительных, в момент активного взаимодействия дублетов только одна пара слов имела приблизительно равный круг значений (вред-веред), остальные 25 пар в семантическом плане представляли собой соотношения, подобные представленным выше. У всех этих дублетов часть значений совпадала, часть расходилась, при этом совпадающие значения в равной степени могли быть абстрактными и конкретными. У 9 слов, сохранившихся в современном русском языке в русской огласовке, в подавляющем большинстве случаев устойчивыми оказались общие значения. Только в слове «межа» утратились оба из двух существующих общих значений и оба значения старославянского варианта; устойчивым в этом случае оказалось значение русского варианта. В слове «серебро» сохранилось 2 из 4-х существующих общих значений и одно значение старославянского варианта. 11 слов из 12, закрепившихся в русском языке в старославянской огласовке, сохранили из всего многообразия значений по одному общему, причем оно могло быть как абстрактным (власть, жребий, надежда и под.), так и конкретным (ограда, стража, чрево). Слово «храм» сохранило 2 из 7 значений старославянского варианта («храм» и «сокровищница»), утратив общее для обоих вариантов значение.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ф. Митрофанов. В. И. Ленин о языке печати и публичных выступлений	3
О. И. Блинова. Об отдельности слова в диалектном языке	8
Е. М. Пантелеева. Образование имен существительных со значением лица	14 ✓
Г. А. Раков. Синонимия как одно из проявлений системных связей в лексике народного говора	22
В. А. Сенкевич. Из наблюдений над лексикой рыбной ловли и охоты	27
А. А. Пыхтеева. Лексика говоров северных районов Омской области	36
✓ В. В. Палагина. Материалы для исторического словаря томского говора (первая половина XVII в.)	46
О. И. Блинова, В. В. Палагина, А. И. Федоров. Инструкция для составления словаря русских народных говоров Сибири	52
Г. И. Климовская. К вопросу о соотношении атрибутивных категорий языка науки и научного стиля естественного языка	62
Ю. А. Кузьмина. О роли языковых средств в создании художественного времени	68
С. И. Ольгович. К вопросу о семантическом усвоении старославянизмов в русском языке	72

ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ГОВОРОВ

Ученые записки ТГУ, № 92

г. Томск. Изд-во ТГУ, 1975 г., 80 с.

Главный редактор **В. С. Сумарокова**
Редактор **Л. П. Цыганкова**
Технический редактор **Р. М. Подгорбунская**
Корректор **Л. А. Зинченко**

КЗ06095

Сдано в набор 26/II-73 Подписано к печати 13/III-75 г.
Формат 70×108; п. л. 5; уч.-изд. л. 8; усл. п. л. 7.
Заказ 1177 Тираж 500. Цена 80 коп.

Издательство ТГУ, Томск-29, ул. Никитина, 17
г. Томск, типография издательства «Красное знамя»